

НЕИСТОВЫЯ РЪЧИ

(по поводу экстазовъ Плотина) *)

«Если бы извѣщена была горестъ мой, и имѣлъ бы страданіе мой на вѣсѣхъ положенъ, то имѣлъ бы оное песка морского тяжесть; оттого слова мои истовы».

Книга Іова, VI. 2. 3.

«Пока душа въ тѣлѣ, говорятъ Плотинъ (III. 6. 6.), она спитъ глубокимъ сномъ».

Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ вниманіе философовъ все больше и больше привлекаетъ къ себѣ ученіе Плотина. Каждый разъ появляются новыя изслѣдованія о немъ и каждое новое изслѣдованіе есть новый гимнъ Плотину. Нѣкоторые изъ его комментаторовъ не боятся ставить его наряду съ божественнымъ Платономъ. И почти никто не сомнѣвается въ томъ, что «ученіе» Плотина есть то, что на современномъ языкѣ принято называть философіей, т. е. прежде всего наука, такъ же какъ никто не сомнѣвается, что «ученіе» Платона тоже есть наука.

Но вотъ приведенныя выше слова Плотина: «поскольку душа въ тѣлѣ, она спитъ глубокимъ сномъ». Въ этихъ словахъ ключъ къ философіи Плотина. Можно въ нихъ видѣть научное утвержденіе, т. е. можно ихъ примирить со всѣми прочими утвержденіями, которыя добываются другими многочисленными науками? Иными словами—согласится ли «законъ противорѣчія», которому дано, какъ извѣстно, верховное право провѣрять закономѣрность человѣческихъ сужденій, признать это сужденіе истиннымъ и разрѣшить ему, наряду съ другими истинами, свободное обращеніе среди людей?

И сказать, что приведенныя слова Плотина являются ключемъ къ его философіи. И точно, Плотина совѣмъ нельзя понять, если постоянно, при чтеніи его энеадъ, не вспоминать, что поскольку душа связана съ тѣломъ, она спитъ глубокимъ сномъ. Но, съ другой стороны, вѣдь вся жизнь всѣхъ людей, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ нашъ повседневный опытъ, есть жизнь не душъ, отъ тѣлъ освободившихся, а душъ, неразрывно съ тѣлами связанныхъ. И тѣмъ не менѣе эти связанные съ тѣлами души размышляютъ, ищутъ, и находятъ истины ни мало не похожія на сновидѣнія и этимъ истинамъ законъ противорѣчія и всѣ законы, ему слодручные, безъ колебанія даютъ свою послѣднюю санкцію. Самъ собою возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ истины, добытыя душой отъ тѣла освободившейся, къ истинамъ, добытымъ душой отъ тѣла не освободившейся? Есть ли межъ ними, можетъ быть межъ ними какая либо связь? Видятъ ли онѣ и признаютъ одна другую?

Средневѣковыя, какъ извѣстно, подняли вопросъ о двоякаго рода истинахъ — истинахъ теологическихъ и истинахъ философскихъ. И разрѣшило его или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшало, въ томъ смыслѣ, что то, что можетъ быть истинной съ точки зрѣнія теологической, можетъ быть ложью съ точки зрѣнія фило-

*) Старая орфографія по желанію автора.

софской — и наоборот. Но «нормальный теолог» средневековья такой противоположности не допускал. Тома Аквинский строго стоял на томъ, что истина — божественная ли, человѣческая ли, всегда одна и та же. «*Principiorum naturaliter notorum cognitio nobis divinitus est indita, quum ipse Deus sit auctor nostrae naturae. Haec ergo principia etiam divina sapientia continet. Quidquid igitur principiis hujusmodi contrarium est, est divinae sapientiae contrarium: non igitur a Deo esse potest. Ea igitur quae ex revelatione divina per fidem tenetur non possunt naturali cognitione esse contraria*». Иными словами: основные принципы нашего познания и познания божескаго одни и тѣ-же. Это положеніе доказывается посредствомъ дѣлаго ряда *igitur*, т. е. способомъ или методомъ того же *cognitio naturalis*, правомѣрность котораго какъ будто подлежала сомнію и требовала оправданія. Такъ что выходитъ, что безупречный диалектикъ допустилъ на этотъ разъ *petitio principii* — и при томъ столь плохо скрытое, что его можетъ замѣтить даже торопливый и поверхностный читатель.

Правда и то, что ученіе о двоякой истинѣ не менѣе уязвимо. Для всякаго очевидно, что одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно не можетъ принять два взаимно исключаютельныхъ положенія. Если истина теологическая гласитъ, что Богъ создалъ міръ въ шесть дней, а истина философская утверждаетъ, что міръ всегда существовалъ, то не можетъ быть, чтобы и философія и теологія говорили правду. Либо философія заблуждается, либо теологія. Ибо, конечно, уже совершенно немислимо, чтобы законъ противорѣчія, самый незаблуждаемый изъ всѣхъ законовъ, допускалъ хоть единое исключеніе. А тутъ рѣчь идетъ даже не объ одномъ, а о безконечно большемъ количествѣ исключеній. Библія, основной источникъ теологическихъ познаний, заключаетъ въ себѣ одинъ непрерывный рассказъ о событіяхъ, которыя съ точки зрѣнія разумнаго человѣка, должны быть признаны бессмысленными и противоестественными.

Стало быть, нужно отвергнуть ученіе о двоякой истинѣ и вернуться къ ученію нормальнаго теолога? *Ea quae ex revelatione divina per fidem tenetur, non possunt naturali cognitione esse contraria*: истина откровенія и истина познаваемая естественнымъ путемъ не могутъ противорѣчить одна другой. И еще меньше допустимо, чтобы передъ лицомъ какого бы то ни было откровенія, самъ законъ противорѣчія, этотъ верховный судья надъ живыми и мертвыми, согласился бы, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, поступиться присвоенными имъ себѣ — неизвѣстна когда и за что — суверенными правами.

Но, обратимся опять къ Плотину. Для Плотина, хотя онъ и жилъ въ сравнительно позднюю эпоху, когда «свѣтъ съ Востока» сталъ доступенъ всему греко-римскому міру, Библія была, конечно, такая же книга, какъ и всѣ другія книги: откровенія онъ въ ней видѣть не могъ. Значитъ это, что для него вопросъ о двоякой истинѣ не существовалъ? Иначе говоря, что онъ не чувствовалъ возможности та-

кихъ источниковъ познанія, которые не доступны «естественному» разуму и даютъ истины, не мирящіяся съ истинами, добываемыми нами «естественнымъ» путемъ?

Уже приведенныя въ началѣ слова его говорятъ намъ о другомъ. Плотинъ зналъ истины, которая — хотимъ мы того или не хотимъ — приходится назвать откровенными, словомъ, такъ мало говорящимъ современному сознанию и даже возбуждающимъ въ немъ крайнюю степень негодованія. И — главное — когда ему приходилось выбирать между истинами «откровенными» и истинами «естественными», онъ, ни мало не колеблясь, бралъ сторону первыхъ: *ἀ γὰρ ἡγείται τις εἶναι μάλιστα, ταῦτα μάλιστα οἷα ἴσσι* — т. е. то, что обыкновенному сознанию кажется наиболѣе существующимъ — наименѣе существуетъ (V.5.11.). Причемъ «обыкновенное сознание» — вовсе не есть сознание, свойственное другимъ людямъ, толпѣ, *οἷς πολλοῖς*, такъ же какъ и истины, добываемыя обыкновеннымъ познаніемъ тоже не суть истины, признаваемые лишь толпой. Нѣтъ, самъ Плотинъ, какъ и всѣ прочіе люди, обычно находится во власти этихъ истинъ и только временами чувствуетъ въ себѣ силы освободиться отъ нихъ. «Часто, просыпаясь къ самому себѣ изъ тѣла (*πολλὰκις ἐγρηγόρητος εἰς ἑμαυτὸν ἐκ τοῦ σώματος*) и отрывая свое вниманіе отъ вѣшнихъ вещей, чтобъ сосредоточиться на себѣ самомъ, я вижу дивную и великую красоту и убѣждаюсь твердо въ томъ, что судьба предназначила меня къ чему то высшему (*τῆς κρείττονος μοίρας εἶναι*; тогда я живу лучшей жизнью, отождествляюсь съ богомъ и, погружаясь въ него, достигаю того, что возвышаюсь надъ всѣмъ умопостигаемымъ...» (IV.8.1.). Совсѣмъ, какъ у Пушкина, который, конечно, Плотина не зналъ. Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ — онъ, какъ и всѣ прочіе люди, погруженъ въ заботы суетнаго свѣта и является (Пушкинъ выражается сильнѣе и, вужно думать, болѣе адекватно, чѣмъ Плотинъ) самымъ ничтожнымъ существомъ между прочими ничтожными существами нашего міра. И только въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда Божественный глаголъ касается чуткаго слуха поэта, души его, отяжелѣвшая въ забавахъ міра, вдругъ, какъ пробудившійся снѣгъ, срывается съ мѣста и устремляется къ той дивной и непостижимой красотѣ, которую обыкновенное сознание считаетъ «по преимуществу не существующей».

Когда такъ говоритъ Пушкинъ, мы принимаемъ его слова за метафору. Или даже, вслѣдъ за Аристотелемъ, повторяемъ про себя: много глутъ поэты. Но, Плотинъ, вѣдь, не поэтъ. Плотинъ — философъ и, какъ мы уже знаемъ, философъ, которому даже наша современность отводитъ лучшее мѣсто въ Пантеонѣ великихъ искателей послѣднихъ истинъ. Что же, и о немъ сказать — «много глутъ»? Или сдѣлать, какъ это нерѣдко дѣлаютъ съ Платономъ, — выкорчевать изъ него всѣ такого рода признанія и сохранить только «обоснованныя», доказанныя положенія? И пробужденіе, о которомъ онъ такъ часто и такъ вдохновенно говоритъ, замѣнить какиямъ либо другимъ, менѣе рискованнымъ словомъ?

II

Несомненно одно: у Плотина, какъ и у нѣкоторыхъ замѣчательныхъ представителей средневѣковья, истина теологическая или истина откровения находится въ непримиримой враждѣ съ истиной философской, т. е. научной въ обычномъ значеніи этого слова. Но тоже несомненно: въ противоположность средневѣковымъ мыслителямъ Плотинъ ни разу не формулировалъ съ желательной ясностью и опредѣленностью свои мысли о взаимоотношеніи этихъ двухъ истинъ. Онъ говоритъ объ этомъ такъ, какъ будто тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакого вопроса или какъ будто бы этотъ вопросъ самъ собой разрѣшался. Въ VI-й Энеадѣ (9, гл. III и IV) онъ пишетъ: «каждый разъ, когда душа приближается къ безформенному *ἀσέβητον*), она, не будучи въ состояніи постичь его, т. к. оно не имѣетъ опредѣленности и не получило точнаго выраженія въ отличающемся его типѣ — бѣжить отъ него и бонется, что она стоитъ передъ «ничто» (*ἐξολοθίσαι καὶ φεύγει μὴ ἢ εὐδὴν ἔχει*). Въ присутствіи такихъ вещей она смущается и охотно спускается долу... Главная причина нашей неуверенности (присоходить) отъ того, что постиженіе единого (т. е. истина откровения) дается намъ не научнымъ знаніемъ (*πιστολογία*) и не размышленіемъ (*λογιστική*) какъ знаніе другихъ идеальныхъ предметовъ (*τὰ ἄλλα λογικά*), но причастіемъ (*χαρακίται*) чѣмъ то высшимъ, чѣмъ знаніе. Когда душа пріобрѣтаетъ научное знаніе предмета, она удаляется отъ единого (т. е. опять же отъ истины откровенной) и перестаетъ быть единымъ: ибо всякое научное знаніе предполагаетъ основаніе, а всякое основаніе — предполагаетъ множественность (*ἕως γὰρ πιστολογία, πολλὰ δὲ ὁ λόγος*).»

Это значить, что Плотинъ измѣняетъ основному завѣту своего божественнаго учителя, онъ отрекается отъ *λογος*’а, становится, въ терминахъ Платона *μετὰλογος*’омъ, независтникомъ разума. — Платонъ, вѣдь, училъ, что стать мисологосомъ — величайшее несчастье, какое можетъ приключиться человѣку. Да и самъ Плотинъ говорилъ — и эти слова постоянно повторяли его ученики и послѣдователи — *ἀρχὴ ὅν λόγος καὶ πάντα λόγος* — въ началѣ разумъ, и все разумъ (111. 2. 15).

Какъ же, если разумъ есть начало всего и все — есть разумъ, и, если величайшее несчастье — отречься отъ разума и возненавидѣть его, какъ же, спрашивается, могъ Плотинъ столь восторженно воспѣвать свое «Единое» и послѣднее съ ними соприкосновеніе? И гдѣ былъ, чего смотрѣлъ законъ противорѣчія, тоже *ἀρχή*, даже *βεβαιότητα τῶν ἀρχῶν* — самое непоколебимое начало?

Думаю, что обойти этотъ вопросъ никакъ нельзя. И тоже думаю, что новѣйшіе комментаторы Плотина напрасно такъ усиленно стараются доказать, что Плотинъ никогда отъ разума не отрекался и все время, когда размышлялъ и записывалъ свои размышленія, не сводилъ глазъ съ закона противорѣчія. Повидимому, прозорливѣе молодыхъ и ближе къ истинѣ былъ старакъ Целлеръ. Онъ не побоялся сказать: *es steht mit der ganzen Richtung des klassischen Den-*

kens im Widerspruch und es ist eine entschiedene Annäherung an die orientalische Geistesweise, wenn Plotin nach dem Vorgange eines Philo das letzte Ziel der Philosophie nur in einer solchen Anschauung des Goetlichen zu finden weiss, bei welcher alle Bestimmtheit des Denkens und alle Klarheit des Selbstbewusstseins in mystischer Ekstase verschwindet (V, 611). Въ другомъ мѣстѣ Целлеръ выражается еще сильнѣе: dem Philosophen (т. е. Плотину) ist das unbedingte Vertrauen zu seinem Denken verloren gegangen (V, 482). Целлеръ правъ, безусловно правъ. Плотинъ, тотъ Плотинъ, который столько разъ и такъ страстно превозносилъ разумъ и мышленіе, потерялъ довѣріе къ разуму, сталъ, вопреки завѣту Платона, *μισολογος* — ненавистникомъ разума...

Фактъ значенія необычайнаго. И жаль, страшно жаль, что Целлеръ, умѣвшій подмѣтить, не захотѣлъ вдуматься или повнимательнѣй всмотрѣться въ такое исключительное явленіе и дать ему шаблонное объясненіе ссылкой на вліяніе Филона и восточныхъ умонастроений! Я не стану здѣсь касаться вопроса, зналъ ли Плотинъ Филона и былъ ли онъ посвященъ въ тайны восточной мудрости. И не потому что не располагаю достаточнымъ мѣстомъ, а единственно потому, что считаю этотъ вопросъ празднымъ и безразличнымъ. Можетъ быть и зналъ — но, вѣдь, зналъ онъ тоже и классическую философію. И еще многое «зналъ». И зналъ, конечно, какъ никто другой, что говорилъ Платонъ о *μισολογος*ѣ и Аристотель о законѣ противорѣчія, которымъ однимъ только и держится всякая ясность и опредѣленность и власть котораго, въ свою очередь, только и держится отчетливостью и ясностью. Что же могло внушить ему дерзновенную мысль отказать въ повиновеніи величайшему изъ саодержцевъ — *βιβιωμένη τῶν αρχῶν*? Какъ рѣшился онъ, забывъ предостереженія Платона, обречь себя на жалкое существованіе *μισολογος*’а? Неужели писанія Филона или дошедшія до него изрѣченія восточныхъ мудрецовъ?

Въ исторіи философіи такія объясненія очень въ ходу. Но, по мнѣ, они были бы умѣстны только въ томъ случаѣ, если бы исторія философіи ставила себѣ цѣлью изучать творенія бездарныхъ и посредственныхъ философовъ. У такихъ, въ действительности, прочитанная книга опредѣляетъ собой многое, даке все. Но говорить по поводу Плотина объ идейныхъ вліяніяхъ — совершенно недопустимо. «Идеи» Плотина выросли непосредственно изъ его собственныхъ душевныхъ переживаній, изъ того, что онъ своими глазами видѣлъ, своими ушами слышалъ. И, если онъ дерзнулъ вступить въ борьбу съ «закономъ противорѣчія» или обречь себя на участь *μισολογος*’а, то вовсе не потому, что до него кто то гдѣ то уже такое дерзновеніе проявлялъ. Тутъ причины были болѣе глубокія и несравненно болѣе важныя.

Порфирій, біографъ и ученикъ Плотина, озабоченный — какъ и всѣ біографы и преданные ученики, больше всего тѣмъ, чтобъ обезпечить своему учителю благоговѣйное удивленіе потомства, рассказываетъ намъ много разныхъ подробностей о его жизни. Плотинъ

быть очень безкорыстнымъ, очень честнымъ; очень умнымъ и наблюдательнымъ человекомъ. Онъ пользовался исключительнымъ доверіемъ и любовью въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ — и потому его охотно назначали опекуномъ надъ малолѣтними сиротами, выбирали въ третейскіе судьи, спрашивали у него въ трудныхъ случаяхъ совѣтовъ и т. д.. И всегда обращавшіеся къ нему оставались имъ довольны. Имущество малолѣтнихъ сохранялось, страдавшій подагрой сенаторъ излѣчился отъ своей болѣзни и даже важная дама, у которой пропали драгоценности, благодаря Плотину, узнала, кто эти драгоценности похитилъ. Нужно думать, что все, рассказанное Порфиріемъ, правда. Навѣрное, Плотинъ не соблазнился вѣрившимся ему чужимъ богатствомъ, вѣроятно тоже его совѣты пошли на пользу и сенатору и дамѣ. И, несомнѣнно, что всѣ знавшіе его люди, какъ и его наивный биографъ, думали, что эти практическія добродѣтели Плотина находились въ непосредственной связи съ его философіей. Даже больше того — вносили вѣроятно, что потому именно и цѣнили такъ его философію, что она, какъ говорить, оправдывалась жизнью философа. Въ новое время то-же повторилось и со Спинозой. И его философія многимъ импонируетъ прежде всего въ виду того, что Спиноза былъ человекомъ образцовой жизни. Но, вѣдь, навѣрное среди современниковъ Плотина въ Римѣ можно было найти — не скажу много, но десятки людей, которые такъ же добросовѣстно управляли чужимъ имуществомъ, такъ же хорошо давали совѣты и были такъ же наблюдательны, какъ и Плотинъ. И въ Голландіи въ XVII столѣтіи тоже мы могли бы найти людей столь же безкорыстныхъ, нетребовательныхъ и «спокойныхъ», какъ Спиноза. Но философами они не были. Можетъ лучше было бы, если бы намъ поменьше рассказывали о добродѣтеляхъ Плотина и Спинозы. Добродѣтели ихъ ушли вмѣстѣ съ ними въ могилу — а остались ихъ сочиненія, которыя нужно расшифровать и которыя не становятся менѣ загадочными благодаря сообщаемымъ ихъ биографами свѣдѣніямъ. Эти свѣдѣнія такъ же мало годятся для насъ, какъ и соображенія о вліяніи Филона Іудейскаго или восточныхъ мудрецовъ.

Тотъ же Порфирій сообщаетъ намъ, правда — между прочимъ, какъ будто бы объ этомъ и говорить не стоило, что его учитель никогда не перечитывалъ того, что писалъ. И опять таки, словно затѣмъ, чтобъ будущіе читатели Плотина не слишкомъ задумывались надъ этой странностью — тутъ же прибавляетъ и объясненіе: не перечитывалъ — потому, что глаза у него были слабы. Не знаю, какъ такое объясненіе могло кого бы то ни было удовлетворить. Слабые глаза — но, вѣдь, у Плотина было не мало учениковъ и друзей со здоровыми глазами. Тотъ же Порфирій — да и другіе, во время отлучекъ Порфирія — могли бы предоставить въ распоряженіе учителя свои глаза. Но, видно, Плотину глаза — ни свои, ни чужіе — не были нужны. И не нужно было, *нельзя было* перечитывать однажды написанное. *Такое* не приходило въ голову добросовѣстному Порфирію? А межъ тѣмъ, это — единственно допустимое объясненіе. Плотинъ не перечитывалъ того, что писалъ, такъ какъ два раза одно и

тоже ему нельзя было ни передумывать, ни повторять. И, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ — мы только что слышали отъ Плотина, что то «главное», что служить предметомъ философіи не выносить опредѣленности, какъ и, наоборотъ, наше обыкновенно мышленіе не выносить безформенности. Когда душа приближается къ настоящей реальности — ею овладѣваетъ ужасъ, ей кажется, что она погружается въ ничто, что она гибнетъ. И, наоборотъ, когда послѣднюю, высшую реальность мы пытаемся захватить въ сѣти нашихъ точныхъ и ясныхъ высказываній, готовыхъ и привычныхъ категорій, она вытекаютъ изъ нихъ, какъ вода изъ рыбацкаго невода, когда его извлекаютъ изъ воды, — она превращается на нашихъ глазахъ въ страшное «ничто». Плотинъ не перечитывалъ своихъ писаній — это, конечно, такъ. Но не глаза ему мѣшали. Плотинъ могъ писать то, что писалъ только при томъ условіи, что ему самому никогда не придется перечитывать написанное. Ибо, если бы онъ рѣшился или былъ почему либо принужденъ перечестъ написанное, то онъ самъ долженъ былъ бы произнести надъ собой тотъ приговоръ, который ему вынесъ черезъ полторы тысячи лѣтъ Целлеръ, сказать себѣ, что онъ потерялъ довѣріе къ разуму.

III

Скажутъ — мое предположеніе не только не разрѣшаетъ трудности постиженія Плотина, но, наоборотъ, какъ бы подчеркиваетъ невозможность какого бы то ни было разрѣшенія. Плотинъ могъ писать то, что онъ писалъ только въ томъ случаѣ, если онъ не перечитывалъ написаннаго имъ, — но какъ же тогда быть намъ, его отдаленнымъ читателямъ? Вѣдь чтобъ узнать мысль Плотина — приходится изучать его писанія, т. е. перечитывать ихъ не разъ, и не два — а очень много разъ, и искать у него какъ разъ той опредѣленности, которой онъ всячески старался избѣгать. Иначе выражаясь, изучать Плотина — значить убивать его. Но не изучать — значить отказаться отъ него. Что же дѣлать, какъ выйти изъ создавшагося безсмысленнаго положенія? Повидимому, выходъ только одинъ — тотъ, который нашелъ самъ Плотинъ: хоть у насъ глаза здоровые, нужно читать, но нельзя перечитывать его сочиненія. Т. е. не нужно искать у него единства мысли. Не нужно искать и убѣдительности, доказательности. Нужно сказать себѣ, что всё «доказательства», приводимыя имъ въ его писаніяхъ, только неизбежная дань школьной традиціи. Плотинъ былъ «профессоромъ», Плотинъ былъ «писателемъ» и, стало быть, этимъ самымъ обязывался говорить только то, что можетъ быть и должно быть признано всѣми, кто у него учился, т. е. слушаетъ его или читаетъ его книги. И Плотинъ былъ великимъ философомъ — стало быть, то же, мысль его должна черезъ вѣка и даже тысячелѣтія сохранить свою силу и принуждать всѣхъ къ покорности. Въ этомъ, только въ этомъ — т. е. въ силѣ и способности принудить, подчинить, покорить себѣ всё видятъ основной признакъ истинности мысли. Оттого всякая мысль ищетъ и добивается опредѣленности. Ибо подчи-

ниться можно только строгимъ и опредѣленнымъ требованіямъ; и наоборотъ — тамъ, гдѣ нѣтъ точности и опредѣленности, тамъ не можетъ быть рѣчи о принужденіи, тамъ начинается то царство свободы, которое уже совсѣмъ не отличается отъ ненавистнаго людямъ произвола. Тамъ нѣтъ уже никакой надобности перечитывать однажды написанное, ибо тамъ нѣтъ тоже никакой надобности не только другихъ, но и самого себя принуждать повѣрять то, что было уже однажды сказано и сглаживать «противорѣчія» въ своихъ высказываніяхъ. Тамъ «знаніе» т. е. *ἐπιστήμη* — есть *λόγος*, а *λόγος* — есть та предательская множественность, которая преслѣдовала Плотина во всю его жизнь.

Конечно, и слово «множественность» не имѣетъ у Плотина той опредѣленности, которую навязываютъ ему тѣ, кто вопреки его призыву или, если хотите, завѣту непрерывно «перечитываютъ» (изучаютъ филологически) его сочиненія и стремятся сдѣлать его философію достояніемъ всего человѣчества. Какъ всѣ почти платиновскія слова и это слово, «допускаетъ» разныя толкованія или, лучше сказать, заключаетъ въ себѣ много смысловъ. Да какъ могло быть иначе, когда, съ одной стороны ему надо было сказать «несказанное», а съ другой стороны, его «система» хотѣла впитать въ себя всѣ элементы, изъ которыхъ слагалась греческая философія въ теченіе своего уже тысячелѣтняго существованія? «Несказанное» для тѣхъ, кто его вообще принимаетъ въ серіозъ, можетъ быть выражено только въ томъ случаѣ, если слова, въ которыя его облачаютъ, такъ же вѣдчивы, многосмысленны и мимолетны, какъ и оно само. А «примирить» Аристотеля съ Платономъ или Платона со стоиками (какъ это дѣлалось въ школѣ Плотина) не значить-ли заранѣе отказаться отъ всякаго «ученія»? И не правъ-ли былъ учитель Плотина, мѣсечникъ Аммоній, запретившій ученикамъ оглашать свое ученіе? И самъ Плотинъ, послушавшійся учителя, не внушалъ ли намъ, что правило элевзинскихъ мудрецовъ — открывать тайны только посвященнымъ, имѣло глубочайшій смыслъ? И все же онъ разрѣшилъ своимъ ученикамъ опубликовать свои сочиненія, которыхъ онъ никогда не перечитывалъ, которыя онъ, быть можетъ, не написалъ бы, если бы остался вѣренъ самому себѣ — вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ началъ висать, когда ему уже исполнилось пятьдесятъ лѣтъ.

Какъ распутать всѣ эти противорѣчія? Но вотъ вопросъ: необходимо-ли ихъ во что бы то ни стало распутывать? Конечно, если хотѣть видѣть въ Плотинѣ «учителя» — какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ — то, ничего не подѣлаешь: придется распутывать, или хотъ притвориться, что распутываешь. Но, если забыть объ его учительствѣ, какъ и о тѣхъ его добродѣтеляхъ и талантахъ, о которыхъ намъ разсказалъ преданный ему Порфирій? Вѣдь иной разъ забыть не менѣе полезно, чѣмъ припомнить. Сказать себѣ, что, вопреки всѣмъ, дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, Плотинъ никого не обучалъ, никого не опекалъ, никакими имуществами не управлялъ, никакихъ сенаторовъ не излѣчивалъ и т. д.. И что снѣ вовсе не такъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ мирить Платона съ Аристотелемъ. Что вся эта область — есть область «множественности» — ему, Плотину, чуждая и далекая.

Что это сонъ души, еще всецѣло погруженной въ тѣло и что настоящая жизненная задача Плотина состояла всецѣмъ не въ томъ, чтобъ самому спать и другимъ давать спать, но что настоящему своему дѣлу онъ могъ отдаваться только въ тѣ рѣдкія мгновенія (а вовсе не часто — *πολλάκις*; — какъ онъ самъ говоритъ), когда, неизвѣстно почему и какъ, онъ «вдругъ» приближался къ чему то такому, о чемъ всѣ наши знанія говорятъ, что это есть только чистое «ничто»!

Конечно. — ни съ «ученіемъ» Платона ни съ философіей Аристотеля и еще менѣе стоиковъ все это не имѣетъ ничего общаго. Ибо все это есть прежде всего не ученіе т. е. знаніе, держащееся на достаточномъ основаніи. И, стало быть, поскольку послѣдующія поколѣнія усвоили себѣ Плотина, они усвоили то, чего у Плотина не было. Можно, конечно, повторять слова, фразы — можно даже цѣлыя страницы или главы изъ энеиды повторять или воспроизводить, какъ дѣлали прославленные отцы церкви и мистики. Историки могутъ по этому поводу рассуждать объ историческомъ значеніи Плотина, а насмѣшливые люди могутъ поддразнивать, что влзвинскія и инныя тайны перестали быть тайнами...

Но, все это не должно насъ смущать. Сущность тайны въ томъ, что ее «открыть» никакъ нельзя или, лучше сказать, сколько не открывай ее, все останется тайной. И историческое значеніе Плотина — призрачно. Онъ вліялъ и могъ вліять лишь въ той мѣрѣ, въ какой его слова истолковывались согласно преходящимъ нуждамъ и запросамъ той или иной исторической полосы. А вѣдь нужды и запросы человѣческія вовсе не въ томъ, чтобъ пробудиться отъ сна. Наоборотъ, люди хотятъ спать и всячески устраниаютъ то, что мѣшаетъ спокойному сну. Нужно устранить и противорѣчія между ученіемъ Платона, Аристотеля и стоиковъ. Ибо противорѣчія безпокоятъ, будятъ, напоминаютъ о томъ, что хочется позабыть... Оттого столько говорятъ о «положительныхъ задачахъ философій», оттого всякій философъ, не только самозванецъ, который дѣлаетъ изъ философій профессію, но и настоящий, какъ Плотинъ, принужденъ являться на люди, какъ учитель: иначе онъ не можетъ оправдать себя предъ ближними и даже предъ дальними.

Но вотъ — Сократъ, котораго самъ Богъ призналъ мудрѣйшимъ изъ людей — Сократъ называлъ себя оводомъ или шпорой (*μεινός*) — т. е. видѣлъ свое назначеніе не въ томъ, чтобъ успокаивать ближнихъ, давая имъ готовые рѣшенія всѣхъ тайнъ и загадокъ жизни, а въ томъ, чтобъ отнимать спокойствіе у тѣхъ, кто собственными силами научился не видѣть въ жизни ни тайнъ, ни загадокъ. Сократовское «я знаю, что ничего не знаю», вовсе не было «ироніей», какъ насъ приучили думать. И завѣтъ дельфійскаго бога — «познай самого себя» тоже не значилъ, что человѣку дано познать самого себя. Въ Дельфахъ людямъ были уготовлены не загадки старыхъ загадокъ, а новыя загадки. Это всецѣмъ было извѣстно, и все таки въ трудныхъ случаяхъ жизни люди запрашивали оракула, словно какая то непонятная сила толкала ихъ какъ разъ туда, гдѣ имъ суждено было занутаться. Въ довершеніе всего — Сократовскій демонъ, который,

конечно, былъ живымъ воплощеніемъ «ирраціональнаго остатка» и долженъ былъ бы тѣмъ, кто видѣлъ въ Сократѣ всезнающаго учителя, служить свидѣтельствомъ, что философія имѣетъ не только своимъ началомъ, но тоже и концомъ не спокойствіе, а безпокойство. Судьи, разбиравшіе дѣло Сократа, очевидно, догадались, кого они судили и въ этомъ смыслѣ оказались куда болѣе чуткими, чѣмъ наши современники, старающіеся оправдать Сократа отъ взведенныхъ на него обвиненій или, на худой конецъ, по примѣру Гегеля, видѣть въ «судьбѣ Сократа» діалектическій, неизбежный моментъ развитія идеи. Все это не такъ, какъ объясняютъ историки. Все это, съ одной стороны, много проще, а съ другой — много непостижимѣе. Проще — ибо Сократъ дѣйствительно былъ повиненъ въ томъ, за что его преслѣдовали — т. е. онъ, дѣйствительно, развращалъ юношей и на самомъ дѣлѣ не признавалъ боговъ, которыхъ чтити греки. Развращаетъ юношей не только тотъ, кто пріучаетъ ихъ къ праздности, пьянству и т. п.. Есть видъ «разврата» много болѣе раздражающій, чѣмъ пьянство и праздность. И непочтеніе къ принятымъ богамъ совмѣстимо съ глубокимъ и искреннимъ устремленіемъ къ тайнамъ иного міра. Сократъ, въ своей защитительной рѣчи несколько не оправдывался отъ предъявленныхъ ему обвиненій: онъ откровенно самъ называлъ себя оводомъ, онъ ссылался на своего демона, а не на тѣхъ боговъ, которымъ приносили жертвы его сограждане. Но, вѣдь Анитъ съ Мелитомъ ни о чемъ другомъ и не говорили. Такъ что, если бы намъ пришлось теперь пересмотрѣть дѣло Сократа, и, если бы, къ тому, мы знали, что оправдательный приговоръ воскресить его къ жизни и дать ему возможность такъ же отравлять наше существованіе, какъ онъ отравлялъ существованіе своихъ современниковъ, мы бы, не колеблясь, вынесли ему тогъ же приговоръ, который ему былъ вынесенъ 2500 лѣтъ тому назадъ. И убѣдились бы, что вопреки Гегелю, «духъ» несколько за этотъ огромный промежутокъ времени не развился и не подвинулся впередъ. «Безпокойство» было и осталось по настоящій день тѣмъ, чего люди больше всего боятся. И демоновъ, и оводовъ люди пестреляли и всегда будутъ пестрелять со всей безпощадностью, на которую они способны.

IV

Думаю, что теперь намъ не будетъ казаться такъ страннымъ, что Плотинъ до пятидесяти лѣтъ ничего не писалъ а, когда началъ писать, не перечитывалъ написаннаго. И то же, думаю, будетъ понятно, почему Порфирій, такъ близко стоявшій къ Плотину, его другъ и ученикъ, въ этихъ странностяхъ учителя не могъ и не хотѣлъ видѣть ничего загадочнаго. Тайна философіи открывается только «посвященнымъ». И главная, самая непостижимая тайна, о которой разсказалъ намъ Плотинъ, повидному, въ томъ именно и заключается, что послѣдняя, а можетъ быть и предпослѣдняя истина дается намъ не какъ результатъ методическаго размышленія, а приходитъ извнѣ, неожиданно — какъ мгновенное просвѣтленіе (V III, 17,

конецъ). Но, если это такъ, если правъ Плотинъ, и философская истина не дается размышленіемъ, то вѣдь ей и «научиться» никакъ нельзя. Нельзя ее и провѣрить. Больше того: нельзя быть увѣреннымъ, что она, такъ - же, какъ и тѣ истины, которыя даются размышленіемъ, всегда и для всѣхъ равна и даже всегда равна для одного и того же человѣка. Можетъ быть Плотинъ, «прикасаюсь» или «причащаюсь» истинѣ, то видѣлъ одно, то видѣлъ другое. Правда, объ этомъ Плотинъ ничего не рассказываетъ. Даже, наоборотъ, онъ говоритъ такъ, что можно думать, что дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, что непостоянство есть признакъ явленій міра эмпирическаго, а въ мірѣ надъэмпирическомъ все всегда себѣ равно и перемѣны тамъ невозможны и недопустимы. Но, если бы было такъ, то почему всѣ слова, всѣ понятія, какія мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, совершенно непримѣнимы къ міру истинно дѣйствительному? Вѣдь, послѣ Сократа, наши понятія такъ именно и создавались, какъ если бы имъ суждено было выразить собой неизмѣнное, а не измѣняющееся. Даже Парменидъ въ знаніи (*ἐπιστήμη*) цѣнилъ возможность видѣть подъ измѣняющимися явленіями неизмѣнную сущность. Платонъ, какъ извѣстно, училъ тому же. И Плотинъ, въ этомъ отношеніи прочно державшійся традиціи Парменида и Платона, все измѣняющееся считалъ несуществующимъ, а существующее — неизмѣннымъ. Даже то обстоятельство, что онъ послѣднее, высшее начало называетъ «единнымъ», какъ будто свидѣтельствуешь, что измѣчивость въ глазахъ Плотина есть порокъ, дефектъ бытія. Какъ же можно утверждать, что онъ, постигая или сливаясь со своимъ «единнымъ», могъ въ разное время испытывать разное? Не значить-ли это извращать «систему» Плотина?

Спору нѣтъ: съ системой Плотина все, что я здѣсь говорю, задится плохо. Но, вѣдь, задача наша вовсе не въ томъ, чтобы найти у Плотина систему. Система — есть *ἐπιστήμη*, а *ἐπιστήμη* — есть *λόγος*. Мы же помнимъ, что послѣднее устремленіе Плотина въ томъ именно и состояло, чтобы вырваться изъ власти *λόγος*'а. И, быть можетъ, въ его писаніяхъ это самая поразительная черта — при чемъ, вопреки Целлеру, въ этомъ его устремленіи нужно видѣть не разрывъ его съ древней философіей, а скорѣй наиболѣе полное и смѣлое выраженіе заданій, которыя ставила себѣ философія грековъ и, которыя, въ силу вышеупомянутаго закона судьбы или исторіи, осуществитъ ей не было дано. И Парменидъ, и Сократъ, и Платонъ — такъ же какъ и Плотинъ не добивались ни *ἐπιστήμη*, ни *λόγος*'а. Самъ Платонъ, который такъ прославлялъ *λόγος* — былъ, по своей природѣ, мисологосомъ. Ибо, что такое *λόγος*, что такое *ἐπιστήμη*? Что такое та научная философія, въ измѣнѣ которой укоряетъ Плотина Целлеръ?

Припомнимъ опять то, что было сказано раньше о теологической и философской истинѣ. Нѣкоторые думаютъ, что средневѣковье, устанавливая такое раздѣленіе, имѣло тайную мысль — отдѣлаться отъ теологической истины, чтобы открыть луть «свободному изслѣдованію». Несомнѣнно, между философами средневѣковья были по-

пытки такъ использовать ученіе о двойкой истинѣ. Но, по существу, здѣсь шло дѣло объ иномъ. Можно, конечно, тяготиться рамками, въ которыя тебя ставятъ принадлежность къ опредѣленному исповѣданію. Это, однако, вовсе не значить, что свобода отъ теологической истины приводитъ человѣка къ свободѣ изслѣдованія. Я думаю, что ученіе о двухъ истинахъ имѣло своимъ источникомъ мечту о совѣмъ иной свободѣ — о той, которую воспѣвалъ Плотинъ.

Теологія стѣсняетъ человѣка, ова насильно навязываетъ ему неприкосновенные догматы. Ну, а наука—она развѣ не связываетъ? Она отъ своихъ догматовъ (предпосылокъ) откажется? Она добровольно согласится освободить васъ отъ «закона» противорѣчія? Она признаетъ, что часть равна цѣлому? Она поступится принципомъ, что *ex nihilo nihil fit*? Или что однажды бывшее можно сдѣлать не бывшимъ? Нормальный теологъ, такъ увѣренно утверждавшій, что не можетъ быть столкновенія между божескимъ и человѣческимъ разумомъ, осуждалъ людей на двойное рабство — и передъ догматами католичества, и предъ «истинами» Аристотеля. И тѣ, которые въ настоящее время, исходя изъ мысли о единствѣ философіи и науки, стремятся примирить ихъ межъ собой, дѣлаютъ то-же, что дѣлалъ Тома Аквинскій, т. е. служатъ не дѣлу освобожденія, а дѣлу порабощенія человѣчества. Наша задача, повидимому, не въ томъ, чтобы мирить философію съ наукой, а ссорить ихъ. И чѣмъ напряженнѣе, чѣмъ ожесточеннѣе будетъ вражда философіи съ наукой, тѣмъ болѣе выгадаетъ человѣчество. Я думаю, что, если бы Сократъ сейчасъ воскресъ, то онъ почувствовалъ бы, что ему опять нужно прерватиться въ «овода» и на этотъ разъ онъ всю силу своей ироніи прежде всего направилъ бы на тѣхъ, которые добиваются мира и добраго лада между философіей и наукой. И еще думаю, что его тревога, въ виду господствующихъ въ наше время тенденцій, была бы еще болѣе незабывной, чѣмъ въ его первую жизнь. И, навѣрное пришлось бы ему припомнить ученіе о двойкой истинѣ, только не затѣмъ, чтобы дать «свободу» научному изслѣдованію, а чтобы освободиться отъ научнаго изслѣдованія. Его демонъ, которому была дана власть приказывать, ничѣмъ не мотивируя свои приказанія, потребовалъ бы отъ него прежде всего открытаго разрыва съ научной философіей.

V

Конечно, уже первымъ шагомъ къ разрыву была бы рѣшимость Сократа поставить на мѣсто логоса и *λογος ὁ δαίμων* своего демона, съ его загадочнымъ «вдругъ». Ему сказали бы, что, если каждый человѣкъ станетъ ссылаться на своего демона, то люди никогда межъ собой не сговорятся и вмѣсто принудительнаго единства и обязательной гармоніи, о которыхъ онъ хлопоталъ въ свою первую жизнь, получится великій хаосъ и невыносимая дисгармонія. Это возраженіе 2500 лѣтъ тому назадъ показалось бы Сократу совершенно неотразимымъ. Можетъ быть, тогда онъ согласился бы даже отречься отъ своего демона или хотъ припрятать его подалеже. Вѣдь демонъ и есть

та «тревога», которая так отличала Сократа от его современников, да и потомков. Но за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ своего потусторонняго, внѣисторическаго существованія, Сократъ, нужно полагать, многому научился. Можетъ статься въ иномъ мѣрѣ открылось ему и ученіе о двоякой истинѣ и еще о томъ, что даже въ нашемъ эмпирическомъ бытіи истина не можетъ и не хочетъ быть единой. Или, иначе, что истина не выноситъ единства — такъ-же, какъ она не выноситъ неизмѣнности. Основной предикатъ потусторонней, т. е. метафизической истины въ нашемъ мѣрѣ есть то, чего люди больше всего избѣгаютъ и боятся — есть измѣчивость и связанная съ измѣчивостью непрерывная тревога. Вотъ почему — оявъ скажу — философія никогда не примирится съ наукой. Наука добивается «самоочевидности» и въ самоочевидностяхъ отыскиваетъ ту естественную необходимость, которая, провозгласивъ себя премірной, хочетъ служить основой всякаго знанія и господствовать надъ самовластными «вдругъ». Философія же всегда была и будетъ борьбой, преодоленіемъ самоочевидностей. Она вовсе не ищетъ «естественной необходимости» — она и въ естественности, и въ необходимости видитъ злые чары, которые нужно, если не свосѣмъ страхнуть съ себя — что, повидимому, еще ни одному изъ смертныхъ никогда не удавалось, то хоть назвать ихъ настоящимъ именемъ. (Это тоже уже кой что значило бы!). Соотвѣтственно этому, теорія познанія, поскольку она является философіей, если не явно, то въ тайнѣ стремилась не къ оправданію, а къ обличенію положительнаго знанія. На худшій конецъ, всѣ почти философы приберегали хогь какого нибудь, хоть самого маленькаго, но самовластнаго *deus ex machina*. Даже безпечный Эпикуръ, (какъ иногда мнѣ кажется съ плохо скрытымъ злорадствомъ) говорилъ о чуть-чуть замѣтномъ, но произвольномъ, ни на чемъ не основанномъ отклоненіи атомовъ отъ «естественнаго» направленія. И чѣмъ глубже и отважнѣе былъ философъ, тѣмъ щедрѣе прибавлялъ онъ къ сладкому меду понятнаго знанія дегтя проблематичности и загадочности. И стоики, которыхъ всѣ привыкли считать матеріалистами и раціоналистами, не только никогда не отказывались отъ «чудеснаго», но такъ же искали чудеса и даже творили чудеса, какъ и другія философскія школы.

Я приведу здѣсь небольшой отрывокъ изъ Эпиктетовскихъ діатрибъ, въ которомъ сущность стоицизма выражается гораздо полнѣе, чѣмъ въ безконечныхъ писаніяхъ Сенеки и во всѣхъ дошедшихъ до насъ стоическихъ разсужденіяхъ. «Вотъ, по истинѣ, говорить онъ, жезлъ Меркурія: къ чему ты не прикоснешься имъ все обратится въ золото. *Дай мнѣ что хочешь — я все превращу въ добро* (*Ὅ τίμιος φέρω, κέρως αὐτὸ ἀγαθὸν ποίησιν*). Дай мнѣ болѣзни, смерть, бѣдность, обиды, смертныя приговоры — все обратится въ полезное, посредствомъ жезла Меркурія» (*Diatr.* III. 20). Такъ иногда умѣлъ говорить Эпиктетъ и вотъ въ чемъ *послѣдняя* завѣтная мысль стоицизма. И не только Эпиктетъ и не только стоики такъ смотрѣли на задачи философіи. Основная проблема философіи всегда была онтологическая. Въ древности болѣе открыто, въ наши дни — тайно,

но философы никогда не довольствовались ролью простых «созерцателей», каковыми они слыли среди непосвященныхъ. Они, какъ Эпиктетъ, хотѣли творить чудеса, т. е. изъ того, что есть самого непригоднаго, изъ отбросовъ жизни, даже изъ абсолютнаго ничто, дѣлать самое лучшее, самое цѣнное. Всѣ знаютъ, что бѣдность, болѣзнь, изгнаніе, смерть — есть тотъ матеріалъ, изъ котораго ничего сдѣлать нельзя — это, вѣдь, самая непреложная, самая очевидная истина, оснашивать которую могутъ либо глупцы, либо безумцы. А Эпиктетъ, которому, конечно, отлично извѣстно, что думаютъ «всѣ», безбоязненно говоритъ, что всѣ заблуждаются и торжественно заявляетъ, что онъ обладаетъ жезломъ Меркурія, который своимъ прикосновеніемъ превращаетъ самое безобразное и самое страшное — въ прекрасное, въ «добро»...

Мнѣ уже приходилось на это указывать, но здѣсь не безполезно будетъ повторить, что историки философіи всегда недооценивали значеніе стоицизма. На самомъ дѣлѣ, вы не увидите ни одной философской системы, которая не была бы въ своей основѣ и глубочайшихъ корняхъ стоической. Всѣ философы, когда говорили объ истинѣ, стремились къ всемогуществу. Всѣ искали жезла Меркурія, прикосновеніе котораго превращаетъ что угодно — въ чистое золото. И, въ этомъ смыслѣ, Плотинъ гораздо ближе къ Эпиктету, чѣмъ къ Аристотелю и даже Платону. И онъ прежде всего стремился прорваться сквозь строй самоочевидностей на просторъ свободнаго творчества. Вотъ почему въ его сочиненіяхъ, этикъ и теодицеѣ отведено такое выдающееся мѣсто. Этика у Плотина, какъ у Эпиктета, какъ и въ новѣйшей философіи, есть ученіе о возможности немотивированнаго дѣйствія или, лучше сказать, дѣйствія безъ причины. Оттого этика всегда хотѣла быть автономной. Она не признаетъ «закона» достаточнаго основанія: у нея собственный «законъ». Обычно люди въ поступкахъ своихъ соображаются съ условіями своего существованія: человѣкъ, по природѣ своей, хочетъ быть здоровымъ и потому выбираетъ себѣ въ пищу, что для здоровья полезно; человѣкъ хочетъ быть богатымъ, поэтому работаетъ въ потѣ лица, прикапляетъ на черныи день; человѣкъ хочетъ долго жить, потому избѣгаетъ опасностей, ищетъ сильныхъ друзей и союзниковъ и т. п.. Стоики, а за ними и Плотинъ, всѣ такого рода «потому» презираютъ и отвергаютъ. Здоровье, богатство и т. д., т. е. то, чѣмъ, повторяю, опредѣляются поступки людей — для нихъ не могутъ служить достаточнымъ «основаніемъ». Другіе, «безумцы» со всѣмъ этимъ считаются, видятъ въ этомъ «добро», потому что сами они не умѣютъ дѣлать добро, а берутъ его готовымъ изъ рукъ природы. Эпиктетъ неустанно твердитъ, что все, сдѣланное не самимъ человѣкомъ для человѣка совершенно безразлично. Важно только то, что имъ создается и потому находится въ его власти. И Плотинъ, когда «учить», что душа должна освободиться отъ тѣла, если хочетъ преснуться къ свободѣ, говоритъ то-же, что и Эпиктетъ. Онъ тоже отказывается принимать отъ природы или даже изъ рукъ боговъ готовое «добро». Добро должно самому сдѣлать, а что не можетъ быть сдѣлано самимъ человѣкомъ, то ни

на что не нужно. Совѣмъ, какъ Эпиктетъ, онъ пренебрегаетъ не только богатствомъ, здоровьемъ, почестями — но и близкими, друзьями, даже отечествомъ. И, какъ извѣстно, очень хорошо доказываетъ, что все это — не блага, что все это призрочно и что только безуміе людей могло принять призрочное бытіе за реальность.

И еще любопытная аргументація плагинивской этики, тоже такъ близкая къ аргументаціи стоиковъ — Эпиктета, Марка Аврелія и болѣе раннихъ. Плотинъ безъ колебанія принимаетъ положеніе, что цѣлое больше своихъ частей и отсюда дѣлаетъ выводъ, что, если мы хотимъ постичь жизнь, мы должны глядѣть на міръ въ его цѣломъ, и не считаться съ судьбами отдѣльныхъ индивидуумовъ. И тогда то, что кажется ненужнымъ или дурнымъ выйдетъ и нужнымъ и хорошимъ. Какъ на картинѣ нужны не только свѣтлыя или яркія краски, но тоже и темныя или, какъ въ пьесѣ нужны не только добродѣтельные и прекрасные герои, но тоже и ничтожныя и смѣшныя. Эта излюбленная аргументація стоиковъ цѣликомъ воспринята Плотиномъ и занимаетъ въ его «системѣ» центральное положеніе. Судьбы отдѣльныхъ людей не тревожатъ его или, лучше сказать, по его «ученію» никого тревожить не должны. Шель торжественный хоръ къ храму и по пути раздавилъ черепаху, которая была слишкомъ недогадлива и тяжела на подъемъ, чтобъ во время свернуть въ сторону — есть о чемъ тутъ беспокоиться? И если бы то была не черепаха, а человекъ, скажемъ библейскій Іовъ, то развѣ было бы больше «основанія» для беспокойства? Тутъ даже нѣтъ, не можетъ быть вопроса. Наши вопрошанія должны быть направлены въ иную совѣмъ сторону. Мы должны глядѣть не на отдѣльные случаи, а на общее, на цѣлое. Тогда мы добьемся того, что всего нужнѣй, тогда мы добудемъ волшебный жезлъ Меркурія и будемъ творить чудеса — будемъ превращать и бѣдность, и изгнаніе, и болѣзнь, и даже самое смерть въ добро. Тогда этика станетъ на мѣсто онтологіи и можно будетъ забыть объ Іовѣ и его «неистовыхъ» рѣчахъ.

VI

Теперь, думаю, будетъ умѣстно вспомнить Паскаля и его размышленія объ Эпиктетѣ. Эпиктетъ былъ любимѣйшимъ философомъ Паскаля. Онъ цѣнилъ въ немъ человека, который лучше другихъ понималъ идею долга. Поскольку Эпиктетъ проповѣдывалъ покорность судьбѣ, готовность безропотно принимать отъ боговъ трудности жизни, Паскаль былъ всецѣло съ нимъ. Но все же что то отталкивало Паскаля отъ Эпиктета. И это «что-то» онъ называлъ очень сильными словами: *superbe diabolique*. Нужно думать, что дьявольскую гордыню Паскаль усмотрѣлъ въ тѣхъ словахъ, которыя я привелъ выше. Эпиктету казалось, что онъ — самый скромный человекъ, и что его даръ творить чудеса не только не находится въ противорѣчьи съ его общимъ ученіемъ о нашихъ обязанностяхъ предъ богами, но, наоборотъ, логически или естественно выростаетъ изъ его ученія. Обязанность, основная обязанность наша — жить «сообразно съ природой»

и, разумеется, тотъ, кто живетъ сообразно съ природой, добивается наибольшихъ результатовъ. Тому-же, за первый взглядъ, учить и Плотинъ. И у Плотина чудо послѣдняго единенія съ богомъ было возможно только для тѣхъ, кто путемъ катарсиса, т. е. безупречнаго исполненія высшаго долга, приводить свою душу въ такое состоянiе, при которомъ сами собой падали преграды, отдѣляющія его отъ горячаго міра. Чтобы достигъ созерцанія того, что прекраснѣе всего, душа наша сама должна прежде стать прекрасной. И, совсѣмъ, какъ у стоиковъ, Платиновскій *хатарсисъ* состоялъ въ освобожденіи отъ власти «тѣла». При чемъ — подчеркнута это сейчасъ, ибо это имѣетъ рѣшающее значеніе — Плотинъ свое чудо послѣдняго освобожденія и единенія съ богомъ — умѣлъ воспыть несравненно лучше, чѣмъ Эпиктетъ свой жезлъ Меркурія. Но — и тотъ, и другой искали чуда. И способъ исканія былъ у нихъ одинъ и тотъ-же: оба были убѣждены, что только преодолевъ тѣ очевидности, которыя внушены намъ чувственнымъ міромъ, мы обрѣтемъ послѣднюю свободу, свободу творчества изъ ничего, которая называется у Эпиктета добромъ, а у Плотина единеніемъ съ богомъ.

Наскаль Плотина не звалъ, но я думаю, что, если бы звалъ его, то, вѣроятно, тоже вспомнилъ бы о *superbe diabolique*. И остался бы при своемъ, даже въ томъ случаѣ, если бы его ученые друзья изъ Port Royal указали ему, что самъ бл. Августинъ не могъ противиться чарамъ послѣдняго великаго греческаго философа, и что идеями Плотина напоены творенія величайшихъ отцовъ церкви и несравненнѣхъ мистиковъ средневѣковья. Онъ бы — хоть это покажется страннымъ на первый взглядъ — съ ужасомъ и негодованіемъ воскликнулъ, что тутъ чувствуется несомнѣнное *enchantement et assoupissement surnaturel*. Иными словами, что стремленіе преодолѣть самоочевидности у стоиковъ, и у неоплатониковъ, и у подавшихъ вліянію греческихъ философовъ отцовъ церкви и мистиковъ, благодаря сверхъестественному вмѣшательству, превратилось въ свою противоположность. Эпиктетъ, вообразившій, что онъ овладѣлъ волшебнымъ жезломъ Меркурія и Плотинъ, который думалъ, что вырвавшись изъ оковъ тѣла, онъ взлетитъ къ небесамъ и приобщится божественной сущности, стали жертвами своей гордыни. Они захотѣли уподобиться Богу — творить изъ ничего. Они и творили изъ ничего и думали, что могутъ свое творчество приравнять, даже поставить выше творчества Бога... Какъ могла такая безумная мысль придти въ голову людямъ — да еще такимъ людямъ, какъ Эпиктетъ или Плотинъ? Не ясно-ли, что тутъ замѣшана сверхъестественная сила? И не ясно-ли тоже, что во всемъ этомъ насъ должны интересовать не столько необыкновенныя «достиженія» Эпиктета и Плотина, сколько та невѣдомая и невидимая сверхъестественная сила, которая обрекла на бесплодность величайшія усилія величайшихъ людей. Эпиктетъ и Плотинъ торжествуютъ, вмѣкажется, что, наконецъ, они справились съ завѣщанной имъ Сократомъ тревогой. Что можно уже не тревожиться, не искать, а — пѣть и учить. Плотинъ даже, какъ будто забылъ, что ему пришлось от-

речья отъ разума и надѣется, что ему удастся, при посредствѣ все того-же разума, превратить непосланныя ему мгновенныя видѣнія во всеобщія и необходимыя, всѣмъ всегда доступныя сужденія... Или, быть можетъ, онъ на то никогда не рассчитывалъ — это только его ученики такъ рассчитывали, ибо только при такомъ условіи они могли у него чему нибудь научиться? Порфирій — а за нимъ всѣ, кто изучалъ Плотина по изданнымъ Порфиріемъ его сочиненіямъ — это они искали и находили у Плотина всеобщія и необходимыя сужденія. А Плотинъ — мы помнимъ, что Плотинъ, по свидѣтельству самого Порфирія, ни разу не перечелъ того, что онъ написалъ. Онъ чуялъ, что, если перечетъ, если повторитъ то, что разъ сказалъ, то его «истина» станетъ «сужденіемъ» — а всякое сужденіе есть то, что истину убиваетъ. И онъ могъ бы снять съ себя отвѣтственность за то, что его ученики или «исторія» сдѣлала съ его постиженіями. Онъ хотѣлъ вырваться изъ власти эллинскихъ идей, продиктованныхъ разумомъ, внѣ котораго древній міръ не видѣлъ спасенія. Онъ, мы помнимъ, зналъ что *ἰστορία* и *λόγος* есть — множественность или выражаясь болѣе современными и потому понятными словами Целлера — онъ потерялъ безусловное довѣріе къ разуму. Онъ видѣлъ, что разуму дана власть разрушить міръ, что разумъ можетъ «доказать» иллюзорность и призрачность существующаго, но что творить изъ ничего разуму не дано, ибо тотъ же разумъ имѣетъ надъ собою непреоборимый для него законъ: *ex nihilo nihil fit*. И, стало быть, Плотину въ его борьбѣ съ самоочевидностями слѣдовало бы направлять свои удары не туда, куда онъ направлялъ. Онъ правъ, безусловно правъ былъ, утверждая, что, чело-вѣческія души находятся въ состояніи сна. И тоже былъ правъ, когда такъ безумно стремился къ пробужденію. Жившая въ его душѣ непрекращающаяся тревога и сейчасъ слышна намъ сквозь вдохновенныя строки его сочиненій. Но Плотинъ, какъ и Эпиктетъ, какъ и всѣ философы — поскольку имъ приходится говорить съ людьми, принуждены исходить изъ предположенія, что здѣсь, на землѣ, все и начинается, все и кончается. И тревога есть только начало — начало, которое должно на нашихъ глазахъ привести къ какому нибудь концу. Вѣдь и это — основной принципъ разума: все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ, какъ и *ex nihilo nihil fit* или цѣлое всегда больше части своей. Это все самоочевидности, отрицать которыя нѣтъ никакой возможности. И тоже самоочевидно, — что къ невозможному стремиться нельзя. Навонецъ, еще одна самоочевидность, здѣсь для насъ особенно существенная: философія обязана учить людей, иначе она не можетъ оправдать своего существованія. Вѣдь такъ и Сократъ думалъ. Онъ называлъ себя оводомъ, т. е. утверждалъ какъ будто, что его дѣло — только жалить людей, иначе говоря передавать имъ свою неизбывную тревогу. Но и Сократъ не могъ ограничиться этой ролью. И надъ нимъ тяготѣли самоочевидныя истины, на которыя онъ не осмѣливался поднимать руку. Онъ жалилъ, онъ будилъ людей — но онъ же общалъ людямъ и истину, т. е. новый міръ, въ которомъ никто не будетъ спать, а всѣ бу-

дуть бодрствовать — иначе говоря онъ обѣщалъ разворожить отъ чаръ старый міръ. Вѣдь это не Эпиктетъ впервые провозгласилъ, что ему дана власть превращать страшное и безобразное въ доброе и прекрасное. Это все тотъ же Сократъ, котораго соблазнилъ дельфійскій богъ, признавши его мудрѣйшимъ изъ людей, былъ первымъ философомъ, возмечтавшимъ о своемъ всемогуществѣ. Сократа соблазнилъ Аполлонъ, Сократъ же соблазнилъ послѣдующія поколѣнія эллинскихъ философовъ. Вѣдь это Сократъ, какъ свидѣтельствуеъ своей «Аполлогія» Платонъ, заявилъ въ защитительной рѣчи, что, вопреки очевидности, хорошему человѣку никто не можетъ причинить зла. Сократъ же требовалъ, чтобъ это его утверждение было признано разумнымъ, т. е. всеобщимъ и необходимымъ — болѣе очевиднымъ, чѣмъ повседневный опытъ, который, выражаясь языкомъ Спинозы, доказываетъ, что удачи и неудачи равно выпадаютъ на долю благочестивыхъ и неблагочестивыхъ. Эпиктетъ въ своей вдохновенной фразѣ только вдохнулъ новую жизнь въ старую Сократовскую мысль. И Плотинъ, когда ему нужно было учить людей, искалъ истину у Сократа: въ третьей энеадѣ (II. 6.) онъ буквально повторяетъ приведенныя только что слова Сократа.

VII

Теперь для насъ приобрѣтаетъ новый смыслъ платиновское утверждение: поскольку душа въ тѣлѣ, она спитъ глубокимъ сномъ. Плотинъ чувствовалъ, что нужно отъ чего то проснуться, преодолѣть какія то самоочевидности, какъ чувствовали его великіе предшественники — Эпиктетъ, Платонъ, Сократъ. Нужно найти чародѣя, заворожившаго человѣческія души. Гдѣ онъ? Какъ бороться съ нимъ? Казалось бы, что нужно начать борьбу съ логосомъ, освободиться отъ властвующихъ надъ людьми идей, что тотъ «сонъ души», который грозитъ переходомъ къ небытію и есть наше довѣріе къ самоочевиднымъ истинамъ. Но древняя философія — и Плотинъ тутъ не составляетъ исключенія — иногда не рѣшалась на *открытую* борьбу съ самоочевидностями. Новая философія, до сихъ поръ живущая завѣтами эллиновъ — даже въ лицѣ тѣхъ ея представителей, которые, какъ Плотинъ, не имѣютъ уже безусловнаго довѣрія къ разуму, проявляетъ ту-же нерѣшительность. Ибо бороться съ самоочевидностями — не значитъ ли заранѣе обречь себя на неудачу?

И только что привелъ слова Спинозы: повседневный опытъ доказываетъ намъ, что удачи и неудачи равно выпадаютъ на долю и благочестивыхъ и нечестивыхъ. Можно возразить что либо на это? Это объективная истина, которую люди знаютъ уже много тысячелѣтій. Но можно принять ее? Мы тоже только что слышали отъ Сократа, что хорошему человѣку никто не можетъ сдѣлать зла. Какъ примирить эти два противоположныхъ утверждения? Рядомъ жить въ нашемъ мірѣ, гдѣ законъ противорѣчія всевластенъ, онѣ не могутъ. Либо истина повседневнаго опыта пожретъ истину Сократа, либо сама ею будетъ пожрана. И наряду съ этой системой еще цѣ-

мый рядъ поддерживающихъ ее истинъ, отъ которыхъ итъ и не можетъ быть спасенія ни во снѣ, ни на яву. Проснуться отъ этихъ истинъ — нельзя. Онѣ пронитали все наше бытiе: и одушевленный и неодушевленный мiръ въ ихъ власти. Что же дѣлать? Какъ принять непрiемлемое, преодолѣть непреодолимое? Отвѣтъ былъ одинъ — подсказанный Сократомъ циникамъ и возведенный въ теорiю стоиками: непреодолимое, неизбежное должно такъ, или иначе быть признано прiемлемымъ. Или, какъ выразился Эпиктетъ, дайте мнѣ что угодно — я все превращу въ добро. Философъ превращается, долженъ превратиться въ чудотворца. Основной частью философи не только, у стоиковъ, какъ принято думать, но во всѣхъ системахъ, какъ древности, такъ и новаго времени становится этика, которая питаетъ собою все — даже онгологию. Что такое этика? Послѣ всего сказаннаго выше едва-ли кто станетъ возражать, что этика есть, была и, очевидно, всегда будетъ искусствомъ творить *естественныя* чудеса. Именно — естественныя, т. е. согласныя съ разумомъ и подчинившiяся необходимости, усмотрѣнной разумомъ во вселенной. Прочтите диатрибы Эпиктета — вы убѣдитесь въ этомъ, прочтите энеады Плотина — вы убѣдитесь въ томъ-же. И тогда вы поймете, почему Паскаль говоритъ о *superbe diabolique* Эпиктета и почувствуете удѣльный вѣсъ его восклицанiя: «Богъ Авраама, Исаака и Якова — а не Богъ философовъ». Вѣдь и Паскаль искалъ чуда — но «естественное чудо» возбуждало въ немъ все недоуманiе, на которое онъ былъ способенъ. И не потому, что онъ искугался «противорѣчiя» заключающаго въ такомъ словосочетанiи. Эпиктету точно казалось, что противорѣчiе невыносимо для человѣческой души (*πάντα δὲ ψυχῇ λογικῇ γίνεαι διαβιβλάται πρὸς μάχην* — II. 26), но Паскаль зналъ, что на свѣтѣ есть вещи, много болѣе нестерпимыя для насъ, чѣмъ противорѣчiя — внутреннiя или внѣшнiя. И тоже зналъ онъ, конечно, что чудо сверхъестественное — не менѣе противорѣчiвное понятiе, чѣмъ чудо естественное. И, если онъ отвергъ чудеса философи и предпочелъ имъ чудеса Библии, то у него, нужно полагать, было на то основанiе. Или, быть можетъ, онъ сдѣлалъ свой выборъ произвольно, не имѣя на то никакого опыта? «Вдругъ» открылось ему, что иной разъ отсутствiе основанiя, какъ великодушнo выразился Бергсонъ, лучше всякаго основанiя? И тогда тоже внезапно «прозрѣлъ», убѣдился, что всѣ наши основанiя, всѣ наши очевидности только *assouplissement et enchantement surnaturel*?

Тутъ, повидимому, и кроется принципиальная противоположность между Паскалемъ и традиционной философiей, противоположность, которую даже и самому Паскалю въ дошедшихъ до насъ *pensées* не удалось вылить съ достаточной остротой. Когда то Милль сказалъ, что если бы каждый разъ, когда мы беремъ два предмета и прибавляемъ къ нимъ еще два, какое нибудь существо подсовывало бы намъ еще одинъ предметъ, мы были бы убѣждены, что $2 \times 2 = 5$. И, вѣдь, Милль правъ или, вѣрнѣе сказать, противъ своей воли высказалъ глубочайшую мысль. Слово и рядомъ, когда мы

беремъ два предмета и прибавляемъ къ нимъ еще два, выходитъ пять: пятый кто-то подсовываетъ. Но люди «подсовывателя» не замѣчаютъ, и только «заклываютъ», что въ извѣстныхъ случаяхъ $2 \times 2 = 5$. Въ новѣйшее время Бергсонъ формулировалъ эту мысль такъ, что научное мышленіе избѣгаетъ всего «новаго». Каждый разъ, когда кто то «подсовываетъ» намъ новое, мы стараемся «обяснить» его, т. е. сдѣлать видъ, что ничего новаго не произошло. Ибо, по ученію разума, исходящаго изъ самоочевидностей или, что то-же, изъ идеи естественной необходимости, всякое «новое» — есть дерзновеніе, есть недолжное, есть ему, разуму, противное или иррациональное. А стало быть — ничею новаго нѣтъ, такъ какъ нѣтъ того, чего быть не можетъ.

Почему такъ происходитъ? Почему люди такъ боятся новаго, какъ будто бы оно было тѣмъ страшнымъ «ничто», о которомъ говорилъ Плотинъ? Отвѣтъ, кажется, возможенъ только одинъ. Возможность «новаго» вырываетъ изъ рукъ человѣка волшебный жезлъ Меркурія, который давалъ ему воображаемую силу творить естественныя чудеса. Новое — значитъ совершенно неожиданное, непредвидѣнное и непредвидимое; новое — это такое, что непохоже ни на что, до сихъ поръ бывшее и, конечно, не подчиняющееся человѣку и тому волшебному жезлу, о которомъ мечталъ Эпиктетъ. Но, вѣдь все «старое», т. е. уже извѣстное людямъ, тоже было когда-то «новымъ», т. е. тоже когда то появилось на свѣтъ, не испросивъ согласія человѣка и не ожидая мановенія его жезла! Стало быть старое новое, какъ и новое новое когда то «дерзновенно» появилось на свѣтъ, не заручившись разрѣшеніемъ разума и держателей разума, людей. Какъ съ нимъ быть съ этимъ прежде появившимся новымъ? Если признать старое новое нужно будетъ признать и новое новое? Разумъ, вѣдь не согласится стать въ противорѣчіе съ самимъ собой, разумъ, вѣдь, ни за что не откажется отъ послѣдовательности!

VIII

Изъ сказаннаго выше ясно, что въ этикѣ и теодицеѣ Плотина нѣтъ ничего оригинальнаго и значительнаго. И все же «историческое» значеніе Плотина держалось на его этикѣ и теодицеѣ. И средневѣковье и новое время — вплоть до нашихъ дней — унивалось и продолжаетъ упиваться переданными ему черезъ Плотина идеями стоиковъ. Возьмете-ли вы бл. Августина, мастера Экарта, Спинозу, Лейбница, Гегеля или даже кого-либо изъ нынѣ живущихъ философовъ, у всѣхъ вы найдете болѣе или менѣе ясно выраженное убѣжденіе, что, т. к. сверхъестественныя чудеса невозможны, то нужно удовольствоваться чудесами естественными. Конечно, нигдѣ эта мысль такъ не формулируется. Обычно, доказательства о невозможности чуда сверхъестественнаго вовсе и не связываются съ утвержденіями, что нужно довольствоваться чудесами естественными. Даже у стоиковъ приведенное выше изрѣченіе о жезлѣ Меркурія является въ своемъ родѣ единственнымъ. Теорія познанія, т.

е. учение объ объективной истинѣ, разрабатывается обычно совершенно независимо отъ этики и теодицеи, которыя имѣють своимъ заданіемъ оправданіе міра и творца. Но не даромъ столько говорятъ о «единствѣ» философскаго міросозерцанія. Этика всегда была неразрывно связана съ теоріей познанія, теоріей познаній обуславливалась и изъ нея вытекала. Когда теорія познанія выставляла свой принципъ естественной необходимости, или невозможности чудеснаго, этикѣ и теодицеѣ ничего другого не оставалось, какъ предложить взамѣнъ невозможныхъ сверхъестественныхъ чудесъ свои возможные чудеса, естественныя. Самоочевидность устанавливала, что Сократа, лучшаго изъ людей, но признанію Платона, «мудрѣйшаго изъ людей» по признанію дельфійскаго бога, погубили два бездѣльника — Анить и Мелить. Измѣнить это люди не умѣють, ибо по свидѣтельству разума, однажды бывшее нельзя сдѣлать небывшимъ. Разумъ, одинъ разумъ, вѣдь, знаетъ, что возможно и что невозможно. И знаетъ, что нужно стремиться къ возможному и не добиваться невозможнаго. Этикѣ ничего больше не остается, какъ, принявши отъ разума готовую дѣйствительность, объявить, что эта дѣйствительность не существуетъ, что она даже не дѣйствительность, а призракъ и что настоящая дѣйствительность эта не та, которая дана человѣку, а та, которая самимъ человѣкомъ творится. Ибо, какъ учили стоики, для насъ цѣнно только то, что въ нашей власти, все же, что не въ нашей власти, для насъ безразлично, стало бытъ какъ бы не существуетъ или даже просто не существуетъ.

Остановимся на минуту и спросимъ себя опять: какъ удалось этикѣ захватить права онтологіи? Иначе: какъ творить она свои естественныя чудеса? Въ чемъ тайна жезла Меркурія? Вѣдь это не такая тайна, которая не можетъ стать явнѣю; чудеса стоиковъ — чудеса естественныя и тайны ихъ не боятся днѣ и свѣта. И точно, у стоиковъ нѣтъ ничего такого, что приходилось бы скрывать отъ непосвященныхъ. Даже Плотинъ, который знаетъ, что тайна никогда не становится истиной, доступной всегда для всѣхъ, даже Плотинъ въ своей этикѣ и теодицеѣ такъ же ясенъ и откровененъ, какъ и стоическіе мудрецы. Чтобъ творить чудеса, учить онъ, нужно только отвергнуть тѣло. И не только собственное тѣло — но и весь тѣлесный міръ. Міръ тѣлъ людямъ не подвластенъ. Мы не можемъ сдѣлать такъ, чтобъ одинъ Сократъ былъ сильнѣе, чѣмъ Анить и Мелить, со стоявшими за ними аэнианами. Не можемъ тоже превращать слѣпыхъ въ зрячихъ, глухимъ даровать слухъ, побѣжденныхъ дѣлать побѣдителями, воскрешать умершихъ и т. д.. Но мы можемъ, такъ учили стоики, сказать себѣ: намъ все равно, что быть слѣпыми, что зрячими, что быть побѣдителями, что быть побѣжденными, намъ все равно — жить или умереть. Все это насъ не касается — а нашихъ тѣлъ. Даже, если и отечество погибаетъ — мы можемъ сказать: намъ все равно. Все, что происходитъ въ тѣлесномъ, чувственномъ мірѣ — для насъ безразлично. Душа человѣческая призвана не къ тому, чтобы повиноваться, а къ тому, чтобы повелѣвать. Добро — автономно, самозаконно. Добро добываетъ свои принципы не изъ

вышняго міра — оно подчиняетъ міръ своимъ принципамъ. Всѣ впечатлѣнія извѣстны — только вѣстники (*ἄγγελος*), они доносятъ о томъ, что происходитъ, душа же — царь, (*βασιλεύς*) ей дано верховное право распоряжаться всѣми. А разъ такъ, разъ право вязать и рѣшать принадлежитъ душѣ — кого и чего бояться ей? Ничто во всей вселенной не страшно для того, чья душа отвернулась отъ тѣлеснаго міра.

И для стоиковъ, и для Платина было самоочевидно, что бороться съ «естественной необходимостью», которая породила міръ — бесплодно. Необходимость нужно принять и покориться ей. Бороться можно только съ человѣческимъ Я, съ нашими оцѣнками того, что намъ дано. Мы ропщемъ, негодуемъ, радуемся, плачемъ, торжествуемъ, приходимъ въ отчаяніе, надѣемся и т.д. въ зависимости отъ того, посылаетъ ли намъ судьба удачу или неудачи. Всѣмъ кажется, что это такъ и быть должно, что этою нельзя и не нужно измѣнить. Но какъ разъ это и можно и должно измѣнить. «Стоитъ только» то, что люди цѣнятъ и чего бояться отнести къ области безразличнаго и мы изъ рабовъ превращаемся въ царей, изъ людей — въ боговъ. Свободное существо — царь, богъ: ни отъ кого ничего не принимаетъ и не ждетъ. Ему не страшны ни бѣдность, ни болѣзни, ни изгнаніе, ни даже смерть. Раздавили черепаху, отравили Сократа, разрушили отечество — все это такъ и быть должно, все это мудреца не касается и не тревожитъ его. Волшебный жезлъ Меркурія творить свои естественныя чудеса и разумный человѣкъ презираетъ неустойчивыя рѣчи библейскаго Іова, вообразившаго, что его скорбь можетъ на какихъ то сверхъестественныхъ вѣсахъ оказаться тяжелѣе, чѣмъ песокъ морской. Was wirklich ist — ist vernünftig.

Все время я говорю о Платинѣ наряду съ Эпиктетомъ, какъ будто бы отождествляю стоицизмъ съ неоплатонизмомъ. И я думаю, что это давно уже нужно было сдѣлать: не отождествлять, конечно, а сблизить въ гораздо большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ принято. «Ученіе» стоиковъ и неоплатониковъ несомнѣнно выросли изъ общаго корня. Философія всегда была борьбой и преодоленіемъ самоочевидностей. Но, каждый разъ, когда философу приходилось выбирать между самоочевидностями, которыя нужно преодолѣть и самоочевидностями, которыя можно принять, сказывалась основная черта нашей природы — наше недовѣріе къ творческимъ силамъ, т. е. къ возможности новаго и необычнаго во вселенной. Вотъ почему истина «откровенная» всегда враждовала съ истиной «научной». И Богъ, какъ училъ св. Ѳома, не можетъ сдѣлать что либо, что не согласно съ принципами человѣческаго разума. Ex nihilo nihil fit, все что есть, всегда было и къ тому, что было уже никогда ничего не прибавится. Чудеса, стало быть, возможны только естественныя и самъ Богъ, какъ превосходно доказалъ въ своемъ теолого-политическомъ трактатѣ Спиноза, долженъ быть только естественнымъ чудомъ, сотвореннымъ людьми. Но, такъ какъ люди могутъ творить только «идеальныя» сущности, только принципы, только начала — то и Богъ, котораго сотворили люди, долженъ быть чисто идеальной

сущностью. Надъ міромъ реальностей человѣкъ не воленъ, онъ не можетъ создать не только ни одного живого существа, ему не дано вызвать къ бытію и неодушевленный предметъ, даже почти призрачный атомъ. Значить, и Богъ ничего создать не можетъ: міръ существуетъ самъ по себѣ, существуетъ извѣчно, въ силу все той же «естественной необходимости». Да и существуетъ-ли онъ вообще? Не есть ли онъ только обманъ, навожденіе, отъ котораго мы должны стремиться во что бы то ни стало освободиться? Библейское сказаніе о томъ, что Богъ сотворилъ міръ изъ ничего для нашего разума совершенно не приемлемо, оно оскорбляетъ его въ самой его сущности. Это истина теологическая, предъ которой истина научная *ex nihilo nihil fit* ни за что не согласится склонить свою гордую главу. И такъ какъ законъ противорѣчія въ свой чередъ ни за что не отречется отъ себя, то, стало быть, этимъ двумъ истинамъ рано или поздно неизбежно было вступить между собой въ послѣдній и страшный бой.

Такъ оно и случилось. Въ новѣйшее время, какъ извѣстно, полную побѣду одержала истина научная. Изъ всѣхъ «доказательствъ» бытія Божія сохранило силу только одно — доказательство онтологическое и сохранило именно потому, что оно находится въ полномъ согласіи съ самоочевидностями разума, т. е. что въ немъ этика цѣлкомъ вытѣснила онтологию. Богъ есть всесовершеннѣйшее существо, а идея совершенства, вѣдь, цѣлкомъ опредѣляется разумомъ и, стало быть, можно впередъ быть твердо увѣреннымъ, что въ ней мы не найдемъ элементовъ, для разума неприемлемыхъ. Даже предикать «реальность», всегда доставлявшій разуму наибольшее всего хлопотъ въ этомъ доказательствѣ настолько обезвреженъ или, какъ предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ говорить умные люди, настолько «преображенъ», что онъ уже не враждуетъ и не соперничаетъ съ предикатомъ «идеальность». Гегель могъ со спокойной совѣстью защищать онтологическое доказательство бытія Божія. Онъ зналъ, что его логосъ при этомъ нисколько не пострадаетъ и что верховныя права разума не только не понесутъ ущерба, но будутъ еще лишній разъ подтверждены и жезлъ Меркурія останется въ его рукахъ. У Бога будетъ отнята возможность творить сверхъестественныя чудеса, но человѣкъ тѣмъ болѣе сохранитъ свою власть творить естественныя чудеса, которыми похвалялся Эпиктетъ.

IX

И все же исторія философіи, которая хочетъ видѣть въ слѣдовавшихъ одна за другой системахъ философіи преемственную связь, жестоко ошибается, полагая, что наша современность не только усвоила все, что добыли древніе, но еще ушла далеко впередъ. Гегель изучалъ Плотина, Гегель преклонялся предъ Платиномъ, но, очевидно тайна Плотина, его *ἀληθινὴ θεωρησις* (истинное пробужденіе — III, 6. 6) Гегелю не открылась. Не открылась она, повидимому, и новѣйшимъ его комментаторамъ — какъ Гартману съ его школой, такъ и другимъ. И не открылась, задо думать, именно по-

тому, что они так добросовѣстно изучали его. Плотина, который до 50 лѣтъ ничево не писалъ, а написаннаго послѣ пятидесяти лѣтъ не перечитывалъ, нельзя изучать. И еще меньше можно включать его въ цѣль историческаго развитія. Намъ не должно соблазнять то обстоятельство, что самъ Плотинъ, воспринявъ въ свою «систему» всѣ элементы существовавшей до него эллинскаго философіи, этимъ какъ бы подвелъ итоги тысячелѣтней работѣ духа Эллады. Онъ это сдѣлалъ, онъ «послужилъ исторіи» какъ служить исторіи всякій живущій на землѣ человекъ. Но, если мы хотимъ постичь истинную задачу философа, то мы прежде всего должны вырвать его изъ тѣхъ историческихъ рамокъ и условій, въ которыя его вставила капризная случайность бытія. Или, во всякомъ разѣ, въ этихъ условіяхъ научиться видѣть если не помѣху его творчеству, то не больше чѣмъ одинъ изъ многочисленныхъ чисто внѣшнихъ предлоговъ для размышленія.

Такъ, по поводу Плотина, охотно и много говорятъ о трудностяхъ политической жизни въ его эпоху. Римскіе императоры произвольно смѣнялись и, добившись власти, сами сакали на престолъ тотъ отвратительный произволъ, благодаря которому имъ удалось добиться власти. Этимъ охотно и просто объясняется стремленіе Плотина бѣжать изъ нашего міра. Кажется вполнѣ «естественнымъ», что живи Плотинъ въ другую эпоху, онъ бы иначе думалъ и говорилъ. Но опять скажу: такого рода «объясненія» имѣютъ своимъ назначеніемъ скрывать отъ насъ истину. Если бы Плотинъ жилъ въ средніе вѣка, въ эпоху Перикла или при Людовикѣ XIV, онъ говорилъ бы на другомъ языкѣ, но то-же, что говорилъ въ своихъ энеадахъ. Вѣдь тотъ «произволъ» и та зѣвряная жестокость, которыя въ III вѣкѣ по Р. Х. сидѣли на римскомъ тронѣ — развѣ ихъ не было въ другія эпохи? Развѣ блескъ вѣка Елизаветы Англійской или царя-солнца затмилъ бы настолько взоръ Плотина, чтобъ онъ увѣровалъ въ благополучіе человѣческаго существованія? Порфирій намъ разсказалъ, что Плотинъ стыдился своего тѣла, — неужели можно думать, что живи онъ въ эпоху, когда произволъ облачался въ видимость справедливости и твердой законности, ему бы записность отъ тѣла казалась менѣ постыдной? И онъ не стремился бы всѣми силами тому, чтобъ *τὴν ψυχὴν χωρὶς εἶναι τοῦ σώματος*, чтобъ душа его была внѣ тѣла? Или не прославлялъ бы *ἀρραβία τοῦ θανάτου* (безстрашіе передъ смертью), какъ высшую добродѣтель *ἀνδρεία* (мужество)? И не видѣлъ бы свой философскій идеалъ въ возможности взлетѣть надъ знаніемъ (*ἰπιστήκη*), потому что знаніе — есть логосъ, а логосъ — есть множественность? А разъ такъ, значить и при Елизаветѣ, и при Людовикѣ XIV, и когда хотите забота и философскій пафосъ Плотина сводились бы къ тому, чтобъ бѣжать, бѣжать безъ оглядки изъ того царства самоочевидностей, въ которомъ на престолѣ сидятъ не императоры одноподневки, — какъ бы они не назывались, а то «вѣчное», безплотное, идеальное начало, которое съ незапамятныхъ временъ называется «естественной необходимостью» (*φυσικὴ ἀνάγκη*). Вотъ съ этой то естественной необходимостью и съ сопутствующими ей самоочевид-

ностями и боролся Плотинъ. О нихъ онъ и говорилъ, что, пока душа въ тѣлѣ, она спитъ непробуднымъ сномъ.

Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто съ должнымъ интересомъ читалъ девятую книгу второй эвнеады, въ которой Плотинъ полемизируетъ съ гностиками. Еще задолго до Плотина — подъ влияниемъ Платона, и еще болѣе подъ влияниемъ циниковъ и стоиковъ, въ древнемъ мѣрѣ назрѣвало убѣжденіе, что «тѣло» есть источникъ зла на землѣ. Плотинъ, повидимому, первый изъ языческихъ философовъ, принявъ это убѣжденіе цѣликомъ, безъ всякихъ оговорокъ и передать его отъ себя средневѣковой, какъ принципъ, не подлежащій ни сомнѣнію, ни пересмотру. Есть все основанія думать, что этотъ принципъ являлся условіемъ возможности проникновенія христіанства въ культурный греко-римскій мѣръ. Вѣтхій Заветъ, какъ извѣстно, начинается словами — *ἐν ἀρχῇ ἰσχυρίσθη ὁ λόγος τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν* — въ началѣ Богъ создалъ небо и землю. Но 4-ое Евангеліе начинается другими словами: *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος*. Ученіе Вѣтхаго Завета въ такомъ видѣ, въ какомъ оно излагается въ Книгѣ Бытія было абсолютно неприемлемо для греко-римскаго міра. И гностики были послѣдовательны и выдержаннѣе другихъ христіанскихъ сектъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Они рѣшительно отвергли Вѣтхій Заветъ. Они отвергли и Бога Вѣтхаго Завета, творца неба и земли. Если мы спросимъ себя, что побудило ихъ отречься отъ Вѣтхаго Завета, для насъ станетъ ясно, что они исходили изъ того же желанія, которое вдохновляло Плотина — *τὴν ψυχὴν χαρῆς ἵνα τὸ σῶματος* — освободить душу отъ тѣла. Гностики тоже стыдились и боялись «тѣла» и они были убѣждены, что все зло въ мѣрѣ отъ тѣла и отсюда выводили, что, если хочешь избавиться отъ зла, нужно избавиться отъ тѣла. Приведу удивительныя слова Валентина, сохранившіяся въ сочиненіяхъ Клемента Александрійскаго: «отъ начала (*ἀπ' ἀρχῆς*) вы безсмертны и дѣти вѣчной жизни; вы захотѣли раздѣлить смерть межъ собою, чтобы побѣдить ее, истребить, разрушить, уничтожить въ себѣ и черезъ себя. Если вы разрушите мѣръ, не давши ему разрушить себя, вы будете господствовать надъ сотвореннымъ и надъ всѣмъ преходящимъ». Въ этихъ словахъ съ рѣдкимъ своеобразіемъ и силой выражена уже знакомая намъ мысль, давшая жизнь и содержаніе многимъ главамъ плотиновскихъ эвнеадъ. Гностики видятъ источникъ зла въ «мѣрѣ», т. е. въ тѣлесной сущности. И утверждаютъ, что люди, по своей природѣ, безсмертны и дѣти вѣчной жизни и что лишь по-стольку, по-скольку они связаны съ внѣшнимъ міромъ, они обречены тлѣнію и смерти. А стало быть — нужно преодолѣть мѣръ и разрушить его: тогда вся власть будетъ въ человѣческихъ рукахъ и самое страшное — смерть — перестанетъ быть страшнымъ.

Казалось бы, Плотинъ долженъ былъ признать въ гностикахъ друзей и союзниковъ. Онъ же — мы только сейчасъ объ этомъ говорили — училъ, что наша задача освободить душу отъ оковъ тѣлесности, онъ же проповѣдывалъ, что нужно бѣжать изъ видимаго міра. Но, когда онъ услышалъ свои собственные слова изъ устъ гностиковъ, онъ пришелъ въ неоправданное негодованіе: вся девятая кни-

га второй энеады есть выраженіе этого негодованія. Плотинъ, слово онъ самъ никогда не утверждалъ ничего и походяго на это, заявляеть, что поносить міръ есть величайшее кощунство и еще большее кощунство — поносить Творца міра. Въ противоположность гностикамъ, онъ въ этой книгѣ говорить о видимомъ мірѣ почти тѣми же вдохновенными словами, какими онъ въ другихъ книгахъ говорить о мірѣ умопостигаемомъ. Историки и этой непослѣдовательности Плотина нашли, какъ и слѣдовало ожидать, «простое» объясненіе. Въ Плотинѣ сказался эллинь и эллинское преклоненіе предъ тѣлесно прекраснымъ. Простое объясненіе! Не даромъ говорить, что иная простота хуже воровства. А гдѣ же «азиатскія вліянія», о которыхъ намъ прежде столько говорили? И развѣ Плотинъ не былъ грекомъ, когда взывалъ: бѣжимъ какъ можно скорѣй изъ этого міра? Или когда училъ, что путь къ высшему достиженію — *μολος ὑπόβου* (оторваться отъ всего, изиѣй пришедшаго)? Или развѣ Платонъ не былъ грекомъ, когда говорилъ почти то-же? Ясно, для того, кто хочетъ видѣть, что «простыя» объясненія здѣсь совершенно неумѣстны. Тутъ причины совсѣмъ другого порядка. Плотинъ, очевидно, не выносилъ логической обработки своихъ мыслей. Онъ самъ могъ отречься отъ видимыхъ, тѣлесныхъ вещей, онъ могъ стремиться прочь изъ міра, могъ предпочитать смерть жпзни и т. д. Но, когда гностики захотѣли превратить всѣ эти измѣняющіяся душевныя состоянія его въ неизмѣнную истину т. е. во всеобщія и необходимыя сужденія — Плотинъ вышелъ изъ себя. Вѣдь самъ онъ никогда не перечитывалъ того, что писалъ! Каково же было ему, когда онъ вдругъ увидѣлъ и услышалъ, что то, что онъ чувствовалъ и говорилъ только иногда и только для себя, вдругъ, (тоже при посредствѣ жезла Меркурія!) у гностиковъ было провозглашено вѣчной истиной, т. е. тѣмъ, что всегда есть, всегда было и будетъ и принимъ быть не можетъ? Да, онъ писалъ, что только забывши все и сосредоточившись всецѣло на самомъ себѣ, онъ достигалъ той свободы, безъ которой для него невозможно было единеніе съ Богомъ. И писалъ, конечно, правду. Временами ему нужна была эта великая внутренняя тишина, при когорой все, даже «естественная необходимость», перестаетъ связывать и давить человѣка. Но, развѣ отсюда слѣдуетъ, что міръ созданъ дурнымъ богомъ и что міръ нужно порочить? И, что должно удовольствоваться тѣмъ созданнымъ человѣческими руками міромъ идеальныхъ сущностей, который восиѣвали гностики и стоики? Міръ во злѣ лежитъ : онъ это говорилъ, онъ такъ думалъ и писалъ — но опять же такое можно считать, но изъ этого нельзя и не нужно дѣлать «истину». Мы знаемъ, какъ тщательно избѣгалъ Плотинъ всякихъ положительныхъ опредѣленій этой своей высшей сущности, которую онъ, конечно, умышленно называлъ ничего не говорящимъ словомъ «Единое». *Ἑπίκριτος*, *ἄπρὸς ῥηθὸς* и т. д., говорилъ онъ ей. Онъ ее и сущностью не хотѣлъ называть, онъ утверждалъ, что она *ἰνίσιμα ὅβ κχι νότιμος*. Всѣ эти отрицанія и суперпревосходныя степени имѣли, очевидно, одинъ смыслъ и одно назначеніе, какъ и плотиновскій завѣтъ — «изле-

тѣтъ надъ познаніемъ»: освободиться — не отъ тѣхъ даровъ, которые намъ припесли боги, а отъ тѣхъ самоочевидностей, которыя привносятся нашимъ разумомъ (опять таки, въ терминахъ Эпиктета, волшебнымъ жезломъ Меркурія) и при посредствѣ которыхъ разнообразный, противорѣчивый матеріалъ переживаній превращается въ неподвижную, всегда себѣ равную, а потому, «повытную» идею. Что и говорить: чтобъ вырваться на свободу, нужно забыть о томъ, что виѣ тебя. Но забыть можно лишь то, что зналъ. И забыть лишь по-стольку, по-скольку знаніе связываетъ, т. е. по-стольку, по-скольку то, что однажды испыталъ, притязаетъ на абсолютную власть надъ тобой. Платиновское «забвеніе» нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что онъ стремился вытравить изъ своей души все, что ей дано было испытать. Наоборотъ — и объѣтомъ свидѣтельствуешь его несдержанныя нападки на гностиковъ — для Платина уйти отъ внѣшняго міра значило расколдовать его отъ чаръ разума, повелѣвающего человѣку въ «естественномъ» видѣть предѣлы возможнаго. Платинъ въ этихъ, устанавливаемыхъ разумомъ, «предѣлахъ» чувствуетъ то-же *enchantment et assourissement*, о которыхъ намъ впоследствии рассказывалъ Паскаль. И тоже чувствуетъ, что эта завороченность и оцѣнение вовсе не естественны, а въ высокой степени противоестественны и даже сверхъестественны. Прочтите хотя бы отрывокъ изъ шестой книги первой эпнеады (глава девятая), отрывокъ, который, думаю, можно, не рискуя, (а то — и рискуя: иной разъ приходится рисковать!) потвергнуться упреку въ произволѣ, перевести слѣдующими словами Достоевскаго изъ братьевъ Карамазовыхъ: «Едрутъ, круто повернувшись, онъ (Алеша) вышелъ изъ кельи (почившаго старца). Полная восторга душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполь, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошныя цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна — земная соприкасалась со звѣздною. Алеша стоялъ, смотрѣлъ и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю... «Облей землю слезами радости твоея и любя сія слезы твои», прозвенѣло въ его душѣ. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ, даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и «не стыдился изступленія своего». Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, соприкасаясь мірамъ нныхъ».

X

Если все происходило у Платина такъ, какъ это мнѣ представляется, если его борьба съ самоочевидностями была не отказомъ отъ посланныхъ свыше даровъ, а лишь стремленіемъ преодолѣть предпосылки, при помощи которыхъ разумъ превращаетъ полученную отъ бо-

говъ жизнь въ научное знаніе — тогда эинеады его получаютъ для насъ совсѣмъ иной смыслъ и иное значеніе. Становится понятнымъ тогда, отчего его теодицея и его этика такъ наскоро и небрежно построены по готовому стоическому образцу, зачѣмъ онъ старался примирить Платона съ Аристотелемъ, почему онъ иной разъ не брезгалъ никакими подъ руку попадавшимися «доказательствами» — и почему онъ до 50 лѣтъ ничего не писалъ, а когда началъ писать, не перечитывалъ написаннаго. Тоже понятно будетъ, отчего онъ такъ старательно исполнялъ свои гражданскія обязанности и даже его странное чувство стыда (можетъ — страха!), что онъ живетъ въ тѣлѣ. И этика, и теодицея ему не нужны были — это онъ только исполнялъ предвзначенную ему роль въ исторической драмѣ — такъ же, какъ не нужны были ему имущество опекаемыхъ сиротъ. Что ему могли дать богатства? И что ему могла дать этика? Слова нѣтъ — чтобъ существовать, нужно имущество. Нужны тоже житейскія правила и нравственные устои: безъ этого совмѣстная жизнь людей здѣсь, на отмени времени, становится невыносимой. Нужна тоже людямъ и теодицея — спокойная увѣренность, что въ мірѣ все обстоитъ благополучно. Но, вѣдь, Плотина больше всего пугали спокойствіе и увѣренность. И спокойствіе и увѣренность предполагаютъ тотъ глубокий сонъ души, который для Плотина былъ какъ бы началомъ и предверіемъ смерти и небытія. Но этого никому нельзя разсказать: не только непосвященнымъ, но и посвященнымъ. Нельзя даже и себѣ самому этого больше, чѣмъ разъ сказать, и сказавши, нужно забыть сказанное, п. ч. на привычномъ для насъ языкѣ это не имѣетъ никакого смысла. Это — та теологическая истина, которая искони враждовала съ истиной научной, уже въ силу своей «логической» конструкціи. Истина научная облекается въ форму сужденія, т. е. утвержденія всегда, вездѣ и для всѣхъ приемлемаго и обязательнаго. Но, какъ выразить въ формѣ сужденія, владѣвшую душой Плотина, тревогу? «Поскольку душа въ тѣлѣ, она спитъ глубокимъ сномъ», говоритъ онъ намъ. Но ему можно возразить: а эта истина есть истина души, отъ тѣла освободившейся? Вѣдь, чтобъ освободиться отъ тѣла — нужно умереть. И пока ты живъ — ты отъ тѣла не освободился. И стало бытъ твое утвержденіе — «поскольку душа въ тѣлѣ, она спитъ глубокимъ сномъ» — есть тоже истина не бодрствующаго, а спящаго человѣка. Плотинъ не хуже насъ звалъ, что ему такъ можно возразить, равно, какъ онъ зналъ, что всѣ этики и теодицеи придуманы его предшественниками для непосвященныхъ, т. е. для людей, которые даже не подозреваютъ, что они спятъ и что задача философіи не въ томъ, чтобъ оберегать сонъ, а въ томъ, чтобъ сдѣлать продолженіе сна невозможнымъ. То вѣшнее «спокойствіе», котораго онъ добивался своими «теодицеями» и которое такъ импонировало его неискушеннымъ ученикамъ, не только не исключало величайшей напряженности и внутренней тревоги, но ей предполагалось. Плотинъ обивался отъ заботъ и тревогъ дня лишь затѣмъ, чтобъ отдаться всецѣло одной великой и послѣдней тревогѣ, которой онъ уже не могъ «раздѣлнить» ни съ кѣмъ и которая ни съ кѣмъ раздѣлена уже быть не можетъ. Онъ не хочетъ тратить

силы свои на разрѣшеніе вопросовъ, подсказываемыхъ ему повседневностью и разрѣшаетъ ихъ насколько, какъ придется, какъ Богъ на душу положить. И только, когда онъ видитъ и слышитъ, что его собственные отвѣты превращаются у другихъ людей въ вѣчныя истины, онъ иногда, какъ это было у него съ гностиками, теряетъ свое «философское самообладаніе» и раздражается гнѣвными рѣчами. Какъ можно назвать міръ дурнымъ? И Бога, создавшаго міръ, злымъ? Я думаю, что, если бы ктонибудь въ его присутствіи сказалъ, что нечего плакать по поводу гибели отечества, онъ тоже возмущился бы и изъ глубины души своей воззвалъ: пусть приплететъ мой языкъ къ гортаню, пусть отсохнетъ моя правая рука, если я забуду тебя, Іерусалимъ. Я думаю, что Плотинъ умѣлъ, почти такъ-же какъ псаломщикъ, произнести *de profundis ad te, Domine, clamavi*. И, что въ его душѣ были и великія радости и великій плачь по поводу тѣхъ «повседневныхъ» событій, о которыхъ онъ, по указкѣ стонковъ, училъ непосвященныхъ, что они — *ιδίωται* и что о нихъ и вспоминать нельзя. Можетъ быть онъ допрашивалъ судьбу и Творца не только о смерти великаго Сократа, но и о той раздаленной черепахѣ (библейскомъ, никому не извѣстномъ Іовѣ), для которой не нашлось мѣста въ его теодицеѣ. И ужъ навѣрное самъ смѣялся надъ своими разсужденіями о томъ, что каждый человѣкъ долженъ быть доволенъ той ролью, которая выпала на его долю, ибо въ пьесѣ, къ которой онъ приравнивалъ мірозданіе, однимъ людямъ назначены высокія, другимъ — низкія роли и дѣло не въ томъ, какую роль вамъ назначили, а въ томъ, насколько старательно вы ее исполните: дѣлю является, вѣдь, пьеса, а не актеры и исполнители. Навѣрное, говорю, смѣялся Плотинъ надъ такими своими разсужденіями и тоже, навѣрное, вышелъ бы изъ себя, если бы услышалъ ихъ изъ устъ гностиковъ или другихъ, далекихъ для него, людей, если бы, наприимѣръ, довелось ему прочесть теодицею Лейбница, въ которой такъ обстоятельно и подробно развиты его мысли. Все свое вдохновеніе Плотинъ черпалъ въ сознаніи высокаго назначенія человѣка. Вѣдь не убѣждалъ онъ злодѣя добросовѣстно исполнять свои злодѣйскія дѣла или дурака — свои дурацкія по тѣмъ соображеніямъ, что въ пьесѣ пужны не только благородныя и умныя, но тоже подлые и глушыя лица! Философія Плотина, которую онъ самъ опредѣлялъ однимъ словомъ — *τὴ τιμιώτατος* — имѣла своей задачей освободиться отъ кошмара видной дѣйствительности. Но, въ чемъ кошмаръ? Въ чемъ ужасъ? Откуда они? Гностики говорили: міръ самъ по себѣ безобразенъ. Для Плотина это было неприемлемо. Онъ зналъ, что не въ «мірѣ» — зло и не «міръ» закрываетъ отъ насъ *τὸ τιμιώτατος*, то «самое важное», чего онъ искалъ. И что пробудиться отъ кошмара — можно только «вдругъ» — почувствовать, что наши самоочевидныя истины — есть лишь нѣкое *enchantement et assoupissement*. И не «случайное» это нѣвожденіе. Плотинъ въ свое время, какъ Паскаль въ свое, видѣлъ и чувствовалъ всей душой ту «сверхъестественную» (*surnaturel*) силу, которая околдовала людей, внушивъ имъ убѣжденіе о «естественной необходимости» и о непогрѣшимости разума, дающаго людямъ вѣчныя и для всѣхъ обяза-

тельные истины. Плотинь боролся съ доставшейся ему отъ предшественниковъ «теоріей познанія», т. е. теоріей о самоочевидныхъ для всѣхъ истинахъ. Онъ, какъ мы помнимъ, противопоставлялъ теоріи познанія теорію о «двойной истинѣ», которую Паскаль такъ смѣло выразилъ въ непризнанныхъ исторіей словахъ: *on n'en end rien aux ouvrages de Dieu si on ne prend pour principe qu'il a voulu aveugler les uns et éclairer les autres.* И, я думаю, можно безобязательно сказать, что подобно тому, какъ Паскаль въ *Summum bonum* философовъ, такъ и Плотинь въ эпиктетовскихъ притязаніяхъ на волшебный жезль видѣлъ только *superbediabolique*, а въ естественныхъ чудесахъ, которыми похвалялась стоическая этика — видѣлъ не чудеса, а только безсильное подражаніе или даже карикатуру на чудеса. Пожалуй — *superbe diabolique* въ устахъ Плотина не звучало бы осужденіемъ — хотя, кто знаетъ? — можетъ и Паскаль въ глубинѣ души Эпиктета не осуждалъ. Можетъ Паскаль понимать, что Эпиктетъ предался своему естественному колдовству только *faute de mieux*: разумъ, которому онъ вслѣдъ за своими великими эллинскими учителями, такъ беззавѣтно вѣрилъ, усмыслилъ въ немъ способность даже въ рѣдкія мгновенія душевнаго подъема видѣть ту «теологическую» истину, которую, въ состояніи «выхожденія», экстаза видѣли Паскаль и Плотинь. Эпиктетъ, какъ и другіе стоики, какъ и вся официальная эллинская философія, наследниками которой протѣялъ воли оказываемся и мы, не допускалъ возможности дѣйствительныхъ чудесъ. Для него законъ противорѣчія былъ высшимъ послѣднимъ закономъ, равно обязательнымъ и для людей, и для боговъ. Ему показалось бы безуміемъ, если бы Паскаль сказалъ ему, что законъ противорѣчія — это тотъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ, котораго Богъ поставилъ у вратъ Эдема послѣ грѣхопаденія нашего праотца, Адама. По убѣжденію Эпиктета, нуть къ высшему достиженію — опять таки и для людей и для боговъ — въ безусловномъ повиновеніи закону. Законъ «былъ въ началѣ» — и тоже будетъ въ концѣ. Изъ закона онъ сотворилъ себѣ кумира, которому поклонялся, какъ богу, ибо законъ, какъ и Богъ есть «духъ», идеальная сущность, не знающая на *γῆσιος'α* ни *φωρις*. Ученіе Эпиктета, до сихъ поръ такъ чарующее людей, и не только простцовъ, но и философовъ, сводилось къ тому, чтобъ убѣдить ближнихъ, что созданный имъ кумиръ — есть Богъ, что видъ этого кумира — боговъ нѣтъ, и что въ служеніи этому кумиру смыслъ и назначеніе человѣка. Онъ отвергъ кумировъ, которые дѣлали его предки — изъ золота, серебра, слововой кости или мрамора. Но кумиру идеальному онъ поклонился — и даже не призналъ въ немъ кумира. И такъ пошло послѣ него, что даже тѣ люди, которые знали принесенную съ Синая заповѣдь, не догадывались, что кумиръ, сдѣланный изъ идеи такъ же мало похожъ на Бога, какъ кумиръ, сдѣланный изъ какой хотите грубой глѣбности. Истина перестала быть для людей живымъ существомъ и превратилась въ идеальную сущность (математическую функцію, этический идеализмъ: понятія почти равнозначущія). Сейчасъ для насъ «естественная необходимость» — предѣльное понятіе, знаменующее собой окончательное тор-

жество «разума». Сейчас и въ Плотинѣ тѣ, которые особенно усердно изучаютъ и перечитываютъ его эннеады, видятъ и цѣнятъ философа, зачарованнаго самоочевидностями разума. И, повторяю, сочиненія Плотина даютъ для того достаточно поводовъ. Но — напомнимъ въ послѣдній разъ — Плотинъ своихъ писаній никогда не перечитывалъ и не только не озаботился о томъ, чтобъ освободить ихъ отъ противорѣчій, но сдѣлать все отъ него зависящее, чтобъ сохранить противорѣчія во всемъ ихъ дерзновенномъ безстыдствѣ. Ему эти противорѣчія были необходимы. Онъ, какъ и дальній его духовный предокъ, Сократъ, чувствовалъ, что ему нужно не уснуть въ себѣ безпокойстве и душевную тревогу, а довести ихъ до той степени напряженія, при которой сонъ станетъ невозможнымъ. Оттого, надо полагать, онъ такъ настойчиво отрывалъ душу отъ тѣла. Онъ зналъ, что въ отрывѣ души отъ тѣла — величайшая боль, и что только великая боль можетъ привести съ собой то «истинное пробужденіе», о которомъ онъ мечталъ всю жизнь. Отъ людей онъ требовалъ отреченія отъ всего, что для нихъ наиболѣе дорого и постоянно твердилъ имъ, что самое дорогое можетъ быть у нихъ отнято. Самое нужное, самое важное, самое цѣнное — τὸ τιμιώτατον — всегда, во всякое время можетъ быть у насъ отнято, напоминаетъ онъ намъ при всякомъ случаѣ. А тѣ чудеса человѣческія, которыя обѣщали намъ стоицизмъ и вслѣдъ за стоицизмомъ гностицизмъ, никогда не замѣняютъ этого τιμιώτατον. Нельзя мѣнять дары боговъ на дары людей...

И временами (не часто, не *πολλάκις*, скажу еще разъ — а рѣдко, очень рѣдко), когда душѣ удастся проснуться отъ самоочевидностей разума, она убѣждается, что она — *κρείττονος μοίρας* (*praestantioris sortis*, какъ перевелъ Марсиліо Фичино) — что ее ждетъ иное назначеніе, чѣмъ думаютъ всѣ. Она рождена не затѣмъ, чтобъ «покоряться». Покорности и возвеличеніе покорностей есть результатъ навѣянныхъ с вышечаръ. Плотину, который и самъ не разъ воспѣвалъ покорности, иногда начинаетъ казаться, что столь опороченное имъ «дерзновеніе» — *τὸ δακ* есть высшій даръ боговъ. На землѣ существуютъ законы. Земные властители — и помазанники цари и тираны узурпаторы — они всѣ приказываютъ и превыше всего цѣнятъ повиновеніе. На землѣ иначе нельзя. На землѣ законы — и законы природы и законы общежитія — сущъ условія возможности человѣческаго существованія. Но «въ началѣ» — законовъ не было, законъ «пришелъ послѣ». И въ концѣ законовъ не будетъ. Богъ ничего отъ людей не требуетъ, Богъ только одаряетъ. И въ Его царствѣ, въ томъ царствѣ, о которомъ въ порывахъ вдохновенія поетъ намъ Плотинъ, слово «принужденіе» терять всякій смыслъ. Тамъ, за вратами, охраняемыми ангеломъ съ огненнымъ мечемъ, даже истина, которая, по нашему, имѣетъ безспорнѣйшія права требовать себѣ повиновенія — и она откажется принуждать кого бы то ни было и радостно признаетъ, на ряду съ собой, истину, ей противоположную. Тамъ и жалкая черепаха, которой здѣсь полагалось либо свернуть съ дороги, либо быть раздавленной, не свернетъ съ дороги, и не будетъ раздавленной.

Тамъ будутъ реальныя чудеса боговъ, а не идеальныя чудеса Сократа и Эпиктета. Тамъ будетъ и Творецъ реальныя земныя чудеса, тотъ «Единый», который навелъ сонъ и оцѣпленіе на людей и заво-рожилъ ихъ самоочевидностями разума. Къ нему, къ этому Единому, создавшему нашъ дивный видимый міръ, и обращается душа Плотина въ рѣдкія мгновенія вдохновенія и подъема. Тогда видитъ онъ, что на новыхъ, невѣдомыхъ доселѣ людямъ вѣсахъ, скорбь Іова и въ самомъ дѣлѣ перевѣшиваетъ тяжелый гесокъ морской, тогда рѣчи его становятся «ненстовыми», въ философѣ рождается псалмопѣвецъ: —
ψαλμὸς δαυὶδ πρὸς τὸν κύριον.

Парижъ. Май 1924 г.

Л. Шестовъ